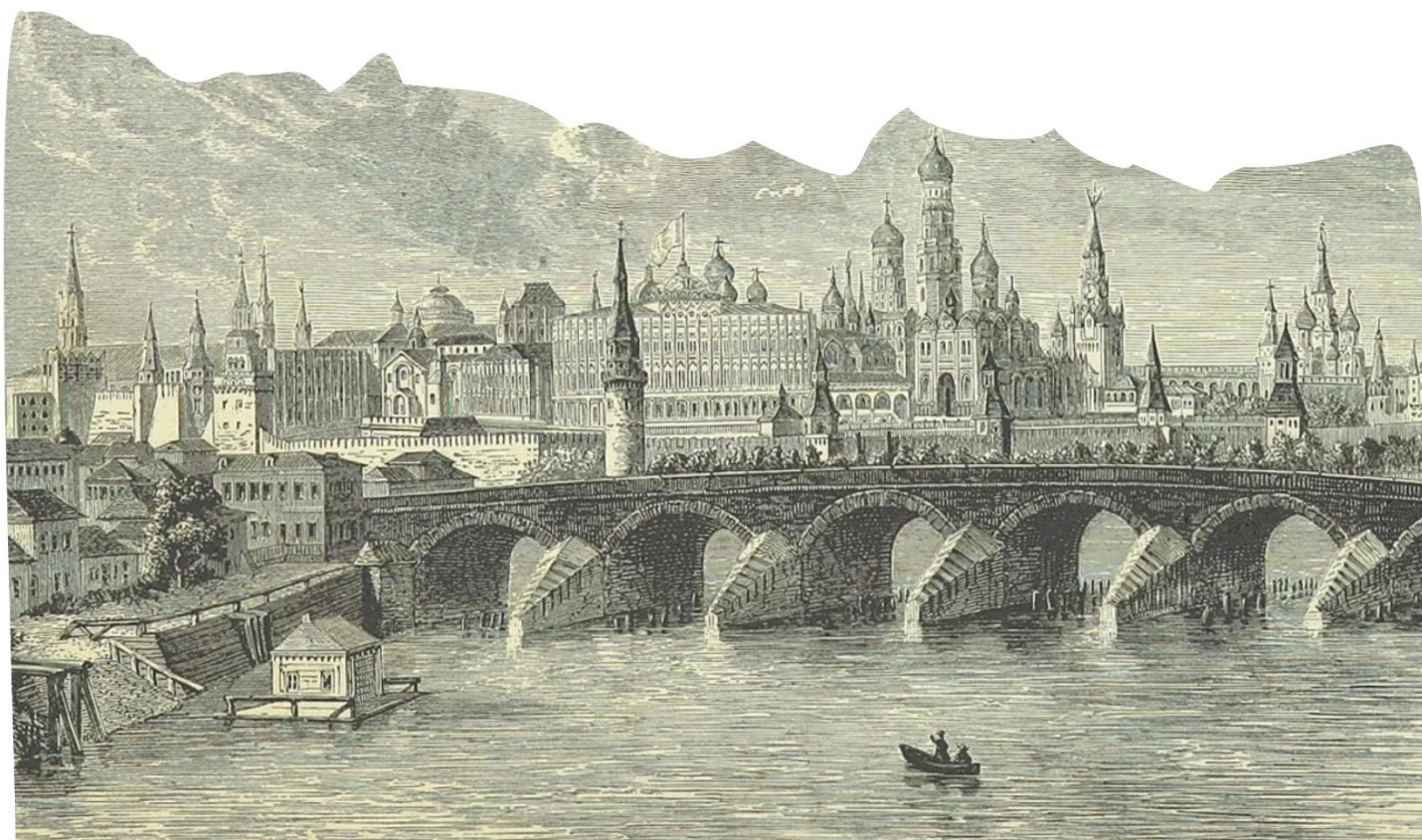

Образы прошлого будущего России: как обращение к истории влияет на актуальную политику

Оглавление

Резюме доклада	3
Введение	6
Методология.....	8
Оценки истории в массовом сознании	9
Формирование пантеона исторических деятелей и эпох после 1917 года.....	10
Эпохи в истории России	24
Переломные моменты и пропущенные эпизоды.....	24
Историко-идеологические нарративы.....	27
Россия как часть Европейской цивилизации (Запада)	27
Россия как истинный Запад	29
Россия – отдельная цивилизация-государство (цивилизационный подход)	29
Неоднородный неосоветизм.....	32
Россия - передовое государство	34
Доминирование цивилизационного подхода	36
Историческая политика в кинематографе.....	39
Историческое позиционирование силовиков как маркер конкуренции нарративов	41
Образы прошлого в дискурсе российских политиков	43
Владимир Путин	50
Дмитрий Медведев.....	52
Валентина Матвиенко	54
Вячеслав Володин	55
Патриарх Кирилл	57
Митрополит Тихон	59
Геннадий Зюганов	60
Владимир Жириновский и Леонид Слуцкий	62
Сергей Миронов	65
Григорий Явлинский	66
Алексей Нечаев.....	67
Заключение.....	68
Приложения	71
Приложение 1. Идеальные образы исторических правителей.....	71
Приложение 2. Исторические фильмы и сериалы (2025-2026 годы).....	72
Приложение 3. Памятники, муралы и мемориальные доски.....	74
Приложение 4. Российские высокобюджетные игры	76
Приложение 5. Даты, юбилеи, годовщины как	79

О чём этот доклад

О влиянии исторической памяти на формирование политиками образа будущего.

Это исследование – наш первый подход к деконструкции способа мышления российских элит и общества.

Мы опирались на сухую статистику – данные социологических опросов, анализ модерируемой государством культурной политики, анализ публичных высказываний первых лиц государства и лидеров политических партий.

Где они видят «золотой век» в истории России?

Кто их герои?

Как субъективные оценки прошлого политическими лидерами влияют на то, как они проектируют будущее?

Какие объективные факторы, в том числе накопленные стереотипы массового сознания, ограничивают их высказывания?

Резюме доклада

На формулировку образа «золотого века» политиками влияют их внутренние убеждения, идеология партии, а также инерция массового сознания, сформированная сложившейся системой преподавания истории в учебных заведениях и культурной традицией.

В частности, устойчивое восприятие частью населения советского наследия как позитивного поддерживается за счёт сохранения массового присутствия имён деятелей СССР (в первую очередь Владимира Ленина) в топонимике и обилия памятников советской эпохи.

Безусловной скрепой в истории России для всего политического сообщества является победа в Великой Отечественной войне.

Отношение к 9 Мая как к главному сакральному празднику начало зарождаться при Леониде Брежневе и окончательно закрепились при Борисе Ельцине.

Топ политических лидеров в восприятии россиян стабильно включает в себя Петра и Екатерину Великих, Владимира Ленина, Иосифа Сталина, Леонида Брежнева, Ивана III, Николая II.

Антирейтинг и у элит, и у населения стандартно возглавляют Михаил Горбачёв и Борис Ельцин.

Президент Владимир Путин, видящий «золотой век» страны в петербургском периоде российской истории, в своих оценках деятелей прошлого, отдавая должное

заслугам Петра Первого и Екатерины Второй, **определил в качестве идеального политического деятеля Александра III – государя-миротворца.**

Путин сохраняет критичность по отношению к идеологии Советского Союза и в особенности негативное отношение к Владимиру Ленину из-за его национальной политики. Однако в последнее время он более нейтрален в своих оценках иных деятелей советской эпохи, в частности Иосифа Сталина и Феликса Дзержинского.

Похожую эволюцию проделал и **Дмитрий Медведев**, который в период своего президентства **симпатизировал императору-реформатору Александру II, а сейчас на посту зампреда Совета Безопасности зачитывает приказ Сталина как пример качественного управленческого документа.**

Если обратить внимание на то, **какие эпохи и лидеры востребованы в рамках государственного запроса на культурный продукт** в виде фильмов и сериалов, то, помимо обращения к событиям Великой Отечественной войны, **стоит отметить особое внимание к императорской России и доминирование таких фигур как Екатерина II и Пётр I.**

Среди подходов российских политиков к оценке прошлого можно выделить (в порядке убывания влияния) **цивилизационный** («Россия как государство-цивилизация»), **неосоветизм** (крайне неоднородный и противоречивый), **«Россия как передовое государство», «Россия как истинный Запад», «Россия как часть Запада».**

Серия неудачных экспериментов с пришедшими с Запада идеологиями (революция 1917-го года, реформы 1990-х годов), системное отторжение странами Запада России в 2000-х и серьёзная идейная трансформация самого Запада (глобализм, мультикультурализм и гендерная политика) сделали идеологию движения в фарватере европейского мейнстрима маргинальной для российских элит и общества.

В то же время появилась концепция «России как истинного Запада», сохраняющей его ценности в условиях, когда Запад исторический их теряет (наиболее ёмко озвучена министром обороны РФ Андреем Белоусовым).

Цивилизационный подход доминирует в российском политическом классе – его разделяют такие разные общественно-политические деятели, как Владимир Путин, лидер КПРФ Геннадий Зюганов, патриарх Кирилл, ныне покойный лидер ЛДПР Владимир Жириновский.

Стоит отметить, что **представители «Единой России» часто обращаются не только к концепции «государства-цивилизации», но и используют элементы советской ностальгии и отсылки к модели «передового государства».**

К представителям несоветского дискурса стилистически можно отнести лидера «Справедливой России» Сергея Миронова, а также Леонида Слуцкого, за время лидерства которого в ЛДПР партия заметно поменяла свои приоритеты, отказавшись от ниши русского национализма.

Эти политики и возглавляемые ими политические франшизы сегодня конкурируют в нише социального популизма.

Технооптимистическая концепция «России как передового государства», популярная среди российских управленцев, в партийном пространстве представлена лидером партии «Новые люди» Алексеем Нечаевым.

«...Но из Рая дует штормовой ветер; он бьёт в его (ангельские) крылья с такой силой, что ангел уже не в состоянии их сложить. Этот ураган неумолимо несёт его в будущее, к которому он обращён спиной, в то время как обломки зданий перед ним растут до небес. То, что мы называем прогрессом, и есть этот ураган».

Вальтер Беньямин «О понятии истории» (1940 год)

Введение

Основной целью доклада является выявление и концептуализация устойчивых образов прошлого, транслируемых российскими политическими и общественными деятелями федерального уровня. Опора сообществ на традицию и опыт предыдущих поколений имеет глубокие антропологические основания. Поэтому нередко в качестве вариантов будущего обществу предлагается экстраполяция образцов из прошлого. Несомненно, что обращение к опыту и образам идеального прошлого для создания ориентиров будущего можно назвать устойчивой тенденцией.

Будущее чрезвычайно сложно предсказать. Однако в наибольшей степени его формируют решения, которые на ежедневной основе принимают элиты под давлением динамических трендов современности, стремясь как минимум сохранить своё положение. Среди российских публичных политиков так же, как и среди публицистов и академических учёных, сохраняется традиция рассмотрения многих текущих событий через призму прошлых периодов российской истории и решений исторических личностей. Традиционно в центре размышлений оказываются фигуры правителей, возглавлявших наше государство в имперский и советский периоды истории. В ходе подготовки доклада были исследованы публичные выступления российских политиков и общественных деятелей¹, а также мероприятия по формированию политики памяти, например, в сферах охраны историко-культурного наследия и создания произведений массовой культуры.

В первой части доклада кратко представлена текущая палитра массовых настроений в отношении исторических фигур, которая лучше всего объясняется через (1) противоречия культурной политики и (2) формирование пантеона исторических деятелей после 1917 года.

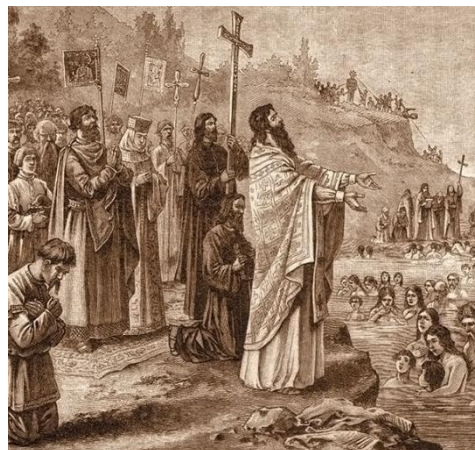
Во второй части представлены: наш подход к анализу эмпирических фактов, обзор переломных моментов и «пропущенных» эпизодов российской истории, дана авторская классификация, включающая пять ключевых нарративов. Описан кризис представления о России как части Европейской цивилизации и шире – Запада, фиксируются особенности доминирования цивилизационно-государственнического нарратива в

¹ По 11 ключевым персонам, представленным в докладе, были собраны все публичные выступления за 2025–2026 гг., а также использовались наиболее яркие упоминания исторических фигур и периодов в 2004–2025 гг.

российском историко-политическом дискурсе, а также его закрепление в массовом сознании в причудливой связи с «неосоветизмом» в различных его изводах.

Основной частью доклада является анализ обращений к прошлому в актуальной риторике 12 российских политических и общественных деятелей: от президента Владимира Путина до лидеров партий. Для удобства изложения в докладе используются универсальные модели краткого представления знаний: идеологический нарратив (этика и функция поддержания образца), архетипический литературный сюжет аргентинского классика Хорхе Луиса Борхеса (эстетика) и концептуальная метафора (логос). Используемые нами модели пластичны: базовый нарратив вполне может содержать концептуальную метафору. Так, например, нарратив «Россия – передовое государство» основан на метафорической логике движения организованных масс («быть впереди, в авангарде – это престижно»), а сам при этом изящно представлен как сюжет «возвращения домой» – к истинному «золотому веку».

В заключении описывается как сила цивилизационного подхода с его гармонизирующим потенциалом, так и его слабость при работе с эмпирикой – невозможность внятно объяснить причины внутренних конфликтов, точки разрывов преемственности, например, Петровские реформы, Великую Русскую Революцию. Среди всех сюжетов ключевым для современных политиков, так или иначе опирающихся на исторические образцы, остаются «Возвращение домой» и «Оборона крепости», что во многом объясняет и содержание партийных программ и охранительный вектор политических решений.

Методология

Основными методами исследования выступили дискурс-анализ и количественный контент-анализ. В рамках исследования были проанализированы высказывания 20 политических лидеров России: высшего руководства Российской Федерации, лидеров политических партий, духовных лидеров самой многочисленной конфессии. Из их числа в доклад попали 12 деятелей с наиболее существенным объёмом выступлений. Эти нарративы были изучены на предмет упоминания исторических персоналий и значимых периодов истории. Также была проведена качественная оценка упоминаний на предмет отношения, высказываемого к историческому персонажу: позитивное, отрицательное или нейтральное.

Для картирования устойчивых образов прошлого учитывались только упоминания исторических правителей России и некоторых персон, обращение к которым имело систематический характер. При создании карт-схем также учитывался темпоральный фактор: недавние упоминания имели больший вес в схеме, с особым приоритетом на высказывания за 2025-2026 годы.

В целях изучения практического использования выявленных образов прошлого в государственной политике в сфере массовой культуры и охраны культурно-исторического наследия был проанализирован ряд событий и мероприятий в данной сфере в 2025-2026 годах, в том числе указы президента РФ о праздновании юбилеев и памятных дат, информация об открытии памятников, мемориальных досок и муралов, выход в прокат исторических фильмов и сериалов (где действие происходит в определённый исторический период), выпуск высокобюджетных игр, обращённых к образу прошлого. В качестве дополнительных источников материалов доклада выступили социологические исследования, новостные материалы, научные работы.

Оценки истории в массовом сознании

Попытки фиксации восприятия исторических личностей в массовом сознании с помощью опросов общественного мнения ведут к парадоксальным результатам. С одной стороны, последние пять лет значимо проявляется стабильная пятёрка самых популярных правителей: Пётр I, Сталин, Екатерина II, Ленин и Брежнев (см. полную таблицу результатов опросов в Приложении 1).

Причём чаще всех наиболее популярным оказывается именно император Пётр I, имя которого связано с позитивным нарративом модернизации и «окном в Европу».

Между тем, более ранний масштабный конкурс «Имя России», проведённый в 2008 году, показал, что общественное мнение можно, пусть и временно, настроить и на другие ориентиры: Александр Невский, Сергей Радонежский, Пётр Столыпин.

Восприятие правителей России и в целом образ исторических деятелей, несомненно, стереотипичны. Они сформированы под влиянием сильнейшей инерции в первую очередь советской системы всеобщего образования и монументальной пропаганды. Постоянные присутствия даже не настоящих имён, а псевдонимов – Ленин и Сталин, отражают активную и незавершённую общественную дискуссию о советском наследии. Зафиксированный социологами антирейтинг исторических деятелей, который возглавляют лидеры позднесоветского периода Горбачёв и Ельцин, сформировался, как можно предположить, скорее, на основании личного опыта.

Данные опросов общественного мнения невозможно интерпретировать без понимания того, какое долговременное влияние на предпочтения наших граждан оказывают их бытовое окружение, топонимика, школьное и вузовское историческое образование, художественные произведения, формировавшийся на протяжении десятилетий исторический и культурный контекст. Важно отметить и конкуренцию внутри массового сознания, например, региональные различия, возрастные когорты, роль уровня образования. Данные факторы в этой работе пока не рассматриваются, хотя они могут стать фокусом дальнейших исследований.

Следующий параграф кратко характеризует особенности формирования взгляда на историю в советский период, проясняет текущие позиции рейтинга исторических лидеров.

Формирование пантеона исторических деятелей и эпох после 1917 года

Многолетняя традиция изучения и описания российской истории была кардинально разорвана событиями 1917 года.

Во многом существующий пантеон исторических эпох конъюнктурно формировался правителями СССР и России для решения текущих задач. Однако мощь авторитарной государственной машины в советское время и огромное количество созданных культурно-исторических артефактов продолжают оказывать влияние на восприятие людей и спустя десятилетия.

Первый план монументальной пропаганды, предложенный в 1918 году Владимиром Лениным (Ульяновым), подчёркивает западнический и чужеродный по отношению к исторической России характер пришедшей к власти группы лиц, ставящей своей целью мировую революцию и рассматривающей страну нынешнего пребывания как ресурсный хаб для реализации этой цели.

Массовый снос памятников предыдущей эпохи начался с разрушения монументов императорам Александру II и Александру III, а также генералу Михаилу Скобелеву.

Предметом особой ненависти вождя большевиков стал именно Александр III, за участие в подготовке покушения на которого был казнён старший брат советского лидера Александр Ульянов. Памятник императору намеренно долго разбирали с фиксацией на фото- и киноплёнку и последующей демонстрацией по стране.

В списке из 31 общественно-политического деятеля, подлежащего увековечиванию в советских памятниках, только 14 имели отношение к России, и все они

были бунтарями, революционерами или критиками власти. Линейка начинается Степаном Разиным, почему-то минует Емельяна Пугачёва (возможно, из-за его самозванства – то есть инерции сакрализации самодержавия), а дальше через декабристов, Александра Герцена идёт к народовольцам, организаторам террора и деятелям коммунистического движения.

Вторая по численности группа в пантеоне Ленина (11 человек) – французы.

Своё вдохновение большевики черпали не в российской истории, которую они вслед за классиками марксизма считали вторичной по отношению к европейской, а в Великой Французской революции. Именно она была для них основной объяснительной моделью сегодняшнего дня. Себя они идентифицировали с якобинцами, а самыми страшными обвинениями внутри их круга были обвинения в термидорианстве и бонапартизме.

Кстати, тенденция опасения бонапартизма – устойчивый паттерн правящей элиты России по сей день. Достаточно вспомнить разгром высшего военного руководства при Сталине, несколько опал маршала Георгия Жукова, попытку заговора генерал-лейтенанта Льва Рохлина и ряд других эпизодов.

Из иностранных деятелей, которых Ленин упоминал в позитивном контексте, можно назвать президента США Авраама Линкольна и деятелей итальянской борьбы за независимость Джузеппе Гарибальди и Джузеппе Мадзини, лидера восстания в Польше Тадеуша Костюшко.

Из дореволюционных деятелей культуры особой любовью Ленина, пламенного сторонника независимости Украины, пользовался поэт Тарас Шевченко.

Второй участник правящего тандема первых послереволюционных лет и организатор Октябрьского переворота Лев Троцкий не сильно отличался от Ленина в своих пристрастиях. Разве что стоит отметить его особую симпатию к лидеру английской революции XVI века лорду-протектору Оливеру Кромвелю и его управленческим и военным талантам.

Пантеон героев большевиков в послереволюционные годы пополнился фигурами погибших немецких революционеров – Розы Люксембург, Клары Цеткин.

После смерти Ленина в 1924 году претенденты на власть использовали его имя как главный инструмент в дискуссиях.

Поскольку на тот момент вторым человеком в иерархии большевиков был Лев Троцкий как организатор Октябрьского переворота и создатель Красной армии, Григорий Зиновьев и Иосиф Сталин использовали культ умершего Ленина как оружие против него.

Дискуссия о ленинизме, якобы противостоящем троцкизму, стала основным содержанием внутрипартийной борьбы 1920-х годов. Её участники пользовались цитатами из Ильича, как «дубинами». При этом они прекрасно понимали то, что цинично

выразил в кулуарах Григорий Зиновьев: «У Ленина, как у дядюшки Якова – товара на всякого».

Формирование культа Ленина и впоследствии Сталина как его самого верного ученика стало инструментом легитимации власти генерального секретаря компартии.

Поразительно, что впоследствии культ Ленина использовался для обоснования линии партии при практически каждом лидере КПСС – Никита Хрущёв, Леонид Брежнев, Юрий Андропов и Михаил Горбачёв обосновывали свои действия по ревизии политики предшественников «возвращением к ленинским принципам».

И даже Борис Ельцин начал своё фрондёрство против Горбачёва под тем же лозунгом «назад к Ленину».

Удобство использования цитат из ПСС Ленина в 55 томах для обоснования практически любой политики и накопленный за несколько поколений авторитет усиливался и невероятным бытовым проникновением образа Ильича – от пионерских значков и портретов до монументов.

Это до сих пор наглядно видно по количеству памятников историческим деятелям в нашей стране. Ленин опережает всех своих конкурентов на порядок цифр по присутствию. И это самые заметные места в российских населённых пунктах.

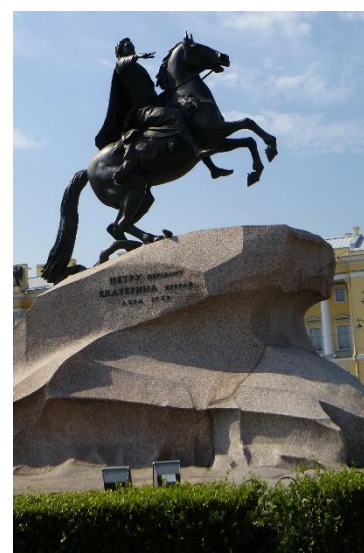
Таблица 1. Число памятников историческим деятелям в России в советский период

Фигуры	Число памятников
Ленин	1085 (неоф. >6000)
Сталин	>100
Киров	>80
Дзержинский	48
Гагарин	41
Жуков	>25
Калинин	25
Фрунзе	10

Таблица 1.2. Число памятников историческим деятелям в России в дореволюционный период

Фигуры	Число памятников
Петр I	109
Николай II	>90
Петр и Феврония	89
Александр Невский	>50
Суворов	>28
Александр II	28
Александр	13
Князь Владимир	12
Дмитрий Донской	10
Кутузов	10
Ярослав Мудрый	8
Екатерина II	8
Минин и Пожарский	7
Александр I	3
Иван Грозный	3

Безоговорочное количественное доминирование Ленина в монументальной скульптуре усиливается и топонимикой: согласно данным Федеральной информационной адресной системы, в России насчитывается 7 652 улицы с классическим топонимом «улица Ленина», а с учётом всех производных названий (Ленинская, Ильича, Памяти Ильича и др.) – более 8 тысяч.

Площадь Ленина – самое популярное название площади в России: оно встречается 250 раз, что составляет 8% от всех площадей в стране. Центральные улицы и площади имени Ленина есть примерно в 80% городов России.

Историческая политика Сталина радикально отличалась от ленинской. В момент, когда стала понятна призрачность мировой революции, возникла необходимость выстраивать отечественный пантеон героев для легитимации власти на контролируемой территории.

В утилитарных целях вытеснения из памяти населения реальных вождей времён Гражданской войны появляется культ «мёртвых героев» – из убитых военачальников второго эшелона (Василий Чапаев, Камо (Симон Тер-Петросян), Григорий Котовский, Александр Пархоменко, Николай Щорс). Особенно подчёркивалась простота всех этих героев – в противовес рафинированному интеллектуализму деятелей Белого движения и разгромленных троцкистов. На это работала индустрия кино.

Стоит отметить, что в глубину народного подсознания запал и сохранился там только один из этих героев – Василий Иванович Чапаев, в своём кинематографическом воплощении очень точно попадающий в архетипический образ «Дурачащегося Воина», в котором ранее представал самый эффективный полководец Российской империи генералиссимус Александр Суворов.

Щорс в кино получился очень ходульным. Камо, Пархоменко и Щорс были заточены под региональный колорит Кавказа, Донбасса и Одессы соответственно.

А вот Чапаев именно в силу точного архетипического попадания неслучайно стал героем народного фольклора, а впоследствии одного из лучших романов классической русской литературы – «Чапаев и пустота» Виктора Пелевина. Показателен и тот факт, что в народном бессознательном отпечатались образы ординарца Петьки и Анки-пулемётчицы, но не попал комиссар Фурманов (который безошибочно считывался как

аналог не понимающего русской души и бестолкового в военном деле надзирателя-немца-начётчика из Гофкригсрата времён суворовских походов).

Физическое уничтожение Сталиным подавляющего большинства ближайших соратников Ленина (Григория Зиновьева, Льва Каменева, Алексея Рыкова, Николая Бухарина и других) поставило перед пропагандистским аппаратом непростую задачу придумывания заново списка «отцов-основателей» Советского государства.

В него вошли или вовремя перешедшие в состав клиентелы Сталина и выжившие впоследствии члены большевистского руководства (Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович, Климент Ворошилов, Михаил Калинин), или успевшие вовремя умереть деятели первого (как Яков Свердлов и Феликс Дзержинский) и второго эшелонов (как Михаил Фрунзе, Валериан Куйбышев и застрелившийся в 1937 году Григорий Орджоникидзе).

Особое место в сталинской пропаганде занял культ убитого в 1934 году при неясных обстоятельствах первого секретаря Ленинградского обкома ВКП (б) Сергея Кирова, гибель которого стала одним из обоснований массовых репрессий.

При Сталине происходит постепенная реабилитация дореволюционной России, в частности, эпохи крещения Руси (знаменитый разгром в 1936 году оперы «Богатыри» Демьяна Бедного, который высмеивал этих былинных персонажей).

В пантеон Сталина из правителей прошлого вошли Иван Грозный (его недостаток, по мнению Сталина, – слишком мягкий, не уничтожил полностью боярские семейства),

Пётр I (его недостаток, по мнению Сталина, – слишком доверял иностранцам) и Александр Невский.

Святой покровитель российской дипломатии, в первую очередь - эффективный переговорщик князь Александр в интерпретации сталинской пропаганды был переформатирован в военного вождя, побеждающего врага вопреки сопротивлению корыстной правящей верхушки.

Во время Великой Отечественной войны формируется масштабный пантеон полководцев прошлого, в котором выделяются Александр Суворов, Михаил Кутузов, Пётр Багратион (в том числе благодаря грузинскому происхождению, как у Сталина – в отличие от менее эффектного, но более системного и эффективного Барклая де Толли).

Победа в войне против Германии была поставлена в контекст предыдущих великих побед русского оружия.

Тем не менее, **в СССР годовщина победы в Великой Отечественной войне далеко не сразу стала эпохальным событием.**

9 мая был объявлен нерабочим праздничным днём Указом Президиума ВС СССР от 8 мая 1945 года, в декабре 1947 года выходной отменили, и день вновь стал нерабочим только 26 апреля 1965 года, уже при Брежневе.

Во времена Никиты Хрущёва появляется тенденция на упрощение исторических нарративов. Вновь начинает доминировать негативная тональность в освещении дореволюционного периода. Радикально возрастает критичность советских историков относительно эпохи опричнины и Петра Великого (с акцентом на цену его реформ для простых людей).

Из интересных новелл можно отметить грандиозное празднование годовщины воссоединения Украины и России в 1954 году. Это событие легитимировало особое положение в советской элите выходцев с Украины, которые ощутимо потеснили в номенклатуре выходцев с Кавказа, реабилитацию и включение в советский управленческий аппарат на низовом уровне бывших бандеровцев, передачу Крыма УССР.

Второй значимый вклад Хрущёва в формирование пережившего его правление пантеона советских героев – это создание культа первого главы ВЧК Феликса Дзержинского как замены культа Сталина.

Если Сталин и руководство органов безопасности при Хрущёве описывались как преступники, то Дзержинского позиционировали как стража законности, который запрещал пытки и подтасовки доказательств.

Интересно, что действительно важный вклад Дзержинского в хозяйственное развитие молодой республики (во главе наркомата путей сообщений и Высшего совета народного хозяйства) оставался при Хрущёве в тени его в значительной степени формального руководства ВЧК и ОГПУ.

Параллельно Хрущёв пошёл по пути демонтажа пантеона полководцев – как Сталина и опального Жукова, так и исторических персонажей. В 1961–1962 годах Хрущёв отменил сооружение памятников Кутузову и Суворову, поскольку «победами мы обязаны не им, а народным массам».

Именно в таком формате (с акцентом на подвиг народа) были проведены празднования 150-й годовщины Бородинской битвы.

Главным праздником и главной исторической эпохой для компартии в эти годы являются Октябрьская революция и эпоха Гражданской войны.

40-летний юбилей Революции в 1957 году примечателен формированием большого круга «местночтимых героев революции» – вроде Сони Кривой и Самуила Цвиллинга в Челябинске.

На это же время приходится реабилитация расстрелянных в 1930-е годы военачальников Гражданской войны.

9 Мая при Хрущёве широко не отмечается и является рабочим днём.

Ситуация кардинально изменилась при Леониде Брежнев.

Именно при нём в 1965 году впервые после долгого перерыва прошёл масштабный Парад Победы, а 9 Мая постепенно становится главным народным праздником (при официальном сохранении первенства Октября).

Восстанавливается культ великих полководцев прошлого (появляются новые памятники Кутузову и Суворову), формируется культ полководцев Великой Отечественной войны, в рамках которого находится место и для самого Леонида Ильича.

Сталин описывался как исторический деятель со своими достоинствами и недостатками.

После 1945 года **Парад Победы в СССР проводился только в юбилейные годы – три раза:**

- 1965 год (20-летие);
- 1985 год (40-летие);
- 1990 год (45-летие);

Для сравнения – военные парады в честь годовщины Октября на Красной площади проводились в СССР ежегодно (за исключением 1942–1944 годов).

Кроме того, 1 мая также ежегодно проводился военный парад, начиная с 1920-х годов. Эта традиция была отменена Брежневым: последний Первомайский военный парад на Красной площади состоялся в 1968 году (с этого времени сохранились Первомайские демонстрации на Красной площади без военной техники).

При Брежнев масштабно отмечается годовщина Куликовской битвы, появляется большое количество фильмов и художественных произведений, посвящённых Древней Руси.

В брежневском кинематографе и сериалах происходит психологическая реабилитация дореволюционной элиты, в частности, царского офицерства. Это и классический фильм «Офицеры» («Есть такая профессия – Родину защищать»), и сериал «Адъютант его превосходительства». Интеллигентные сотрудники советских спецслужб в культовых фильмах о разведчиках («Щит и меч», «Семнадцать мгновений весны» и другие) и позднесоветском «ТАСС уполномочен заявить» в гораздо большей степени выглядят культурными наследниками белого офицерства, чем революционеров.

Интересно, что культ Ленина и Октября вернулся в актуальную повестку при **Михаиле Горбачёве** как антитеза и сталинским временам, и эпохе застоя – «возвращение к ленинским принципам». В то же время были разрешены критические материалы о действиях советского руководства в военное время и тексты с «фронтовой правдой».

Эпоха перестройки, начатая под лозунгом очередного возвращения к «ленинским принципам» (в том числе и национальной политики), запомнилась, в том числе, недолгой и неудачной попыткой создания «культа Бухарина» как якобы реальной и менее «людоедской» альтернативы Сталину.

Горбачёвская десталинизация попала в ловушку внутриэлитных раскладов. В рамках информационной политики советского руководства трагедия подвергшихся массовым репрессиям сословий Российской империи (крестьянства, духовенства, дворянства, офицерства, научно-технической интеллигенции) оказалась на периферии, а на первый план были выведены истории «старых большевиков» и членов их семей, а также высшего военного руководства и чекистов.

Немногочисленная группа потомков репрессированных представителей номенклатуры, претендующая на особое положение и политические преференции, не вызывала сочувствия ни у потомков пострадавших от советской власти, ни у бенефициаров «кадровой революции 1930-х» и их потомков.

В 1987 году с помпой прошёл юбилей Великой Октябрьской социалистической революции.

А уже в 1988 году с размахом было отмечено Тысячелетие крещения Руси. Это было первым публичным вовлечением Русской Православной Церкви в большое государственное мероприятие.

Во внешних коммуникациях Михаил Горбачёв использовал это событие как подтверждение принадлежности России к европейской цивилизации, к которой, в рамках его концепции, присоединился ещё князь Владимир.

Несмотря на сохранение Горбачёвым в публичной риторике опоры на наследие Ленина, перестроечные издания в историческом контексте продвигали фигуры Столыпина, Витте и Николая II.

И лишь при **Борисе Ельцине**, который на этапе борьбы с Горбачёвым позиционировал себя как истинного наследника Ленина, изменяется историческая рамка.

Победа в Великой Отечественной войне становится главной исторической скрепой. В частности, с 1995 года парад 9 мая проходит ежегодно.

При Ельцине же возникла традиция приглашать на парады иностранных лидеров. И именно 1995 год стал самым массовым по явке: приехали главы всех стран-участниц антигитлеровской коалиции. Также парады 9 мая посетили лидеры побеждённых государств – Германии и Японии.

Борис Ельцин пытался позиционировать себя в уникальной нише «первого успешного реформатора», который завершает то, что не получилось у Петра и Екатерины Великих, Александра II и Столыпина.

В июле 1998 года под влиянием Русской православной церкви Ельцин принял участие в торжественном захоронении останков Николая II и членов его семьи, охарактеризовав их убийство по распоряжению регионального большевистского Уралоблсовета, но постфактум поддержанное центральными органами революционной власти ВЦИК и Совнаркомом, как «чудовищное преступление и бессмысленную жестокость».

Примечательной стала попытка Ельцина заменить один из важных символов советской эпохи – празднование «Великого Октября» – введением в 1996 году праздника Дня согласия и примирения в дату 7 ноября. Подмена праздников особого эффекта на ослабление советской памяти не возымела, и уже в 2004 году Владимир Путин упразднил статус Дня согласия и примирения как государственного праздника, заменив Днём народного единства 4 ноября.

Приход к власти петербуржца Владимира Путина в 2000 году охарактеризовался особым интересом к петербургскому периоду в истории России. На протяжении как минимум двух его первых сроков апелляция к этому периоду была обоснованием попыток властей России встроиться в качестве равноправного участника в «коллективный Запад».

Однако при президентах Владимире Путине и Дмитрие Медведеве сохранилась и установка на победу в Великой Отечественной войне как основную скрепу как для россиян, так и для постсоветского пространства.

ЭВОЛЮЦИЯ ГЛАВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРАЗДНИКОВ В РОССИИ *

* за исключением религиозных

Эпохи в истории России

Переломные моменты и пропущенные эпизоды

На основе анализа высказываний политических деятелей, преобладающей тематики произведений массовой культуры и мероприятий в области политики памяти, прошлое оказывается структурировано вокруг переломных моментов российской истории.

Как в массовом сознании, так и в элитном дискурсе закреплено, что болезненный, но успешный выход из них сформировал народную идентичность.

Системообразующим событием российской истории сегодня является Победа в **Великой Отечественной войне**: в 2025–2026 годах тематике ВОВ были посвящены 47,1% всех вышедших российских исторических фильмов и сериалов (подробнее см. Приложение 2), а также 26,1% установленных памятников и мемориалов (подробнее см. Приложение 3).

Другие важные вехи включают в себя победу над интервентами в Смутное время² (одно из дежурно упоминаемых политическими деятелями событий в связи с наличием официального праздника³), Крещение Руси (позитивная оценка исторического наследия князя Владимира Святославича со стороны РПЦ и КПРФ), отпор князя Александра Невского колониционному проекту крестоносцев «Drang nach Osten», отказ от Флорентийской унии (т.е. выбор сохранения православия) и падение Константинополя, раскол Русской церкви XVII века, реформы Петра I (который остаётся одним из самых популярных исторических деятелей согласно опросам общественного мнения), восстание декабристов, убийство Александра II, Великая Русская Революция и Гражданская война, распад СССР и последующие кризисные 1990-е годы (универсально отрицательный период среди политических деятелей разных идеологических воззрений).

Подобное структурирование прошлого вокруг переломных моментов можно отследить в недавних российских высокобюджетных игровых проектах - Atomic Heart (2023 г.), «Смута» (2024 г.)/«Земский собор» (2025 г.) и «Война миров: Сибирь» (2027 г.).

В этих российских играх (в том числе поддержанных государством через гранты Института развития интернета (ИРИ) – «Смуте» и «Земском соборе») развивается образ России как страны, которая проходит через катастрофу, но сохраняет возможность

² О сложносоставной борьбе элит вокруг московского престола после пресечения линии Рюриковичей-Калитичей см. Шокарев, С. Ю.. Катастрофа московского царства: [Смутное время]/— Москва: Новое литературное обозрение, 2024.

³ Хотя День народного единства как праздник задумывался, чтобы на национальном уровне затмить годовщину Октябрьской революции. При этом сама идея праздника сильнее всего расходится с интерпретацией реальных событий: единство народов России подменило изначальную идею о русском национальном государстве, которой были движимы руководители ополчения. К этой истории примыкает и миф о татарском происхождении Кузьмы Минина, на самом деле сконструированный казанским журналистом.

спасения. Желательное прошлое в массовом воображении оказывается ценным не как эпоха нормальности, а как момент предельного испытания, в котором Россия либо спасает себя, либо сохраняет шанс на спасение после катастрофы. Для широкой аудитории привлекательным оказывается прошлое, которое доказывает способность страны восставать из кризиса и выполнять свою историческую миссию (подробнее см. Приложение 4).

Тем не менее, множество исторических эпизодов можно назвать «пропущенными».

Эти события пропали как из речей российских лидеров, так и из памяти значительной части населения:

- битва на Калке и династические браки Рюриковичей с половецкой знатью;
- конкуренция между Тверским и Московским княжествами (XIV–XV век), история других княжеств (помимо Московского) периода раздробленности;
- Переяславская рада 1654 года;
- Наполеоновские войны и ситуативный союз Российской империи с Великобританией;
- прекращение работорговли на южных рубежах Российской империи и подчинение государств Центральной Азии (Коканд, Хива, Бухара) в результате военных походов Кауфмана, Скобелева в царствование Александра II;
- Первая мировая война, роль Антанты и причины интервенции, в т. ч. отсутствует рефлексия роли военных неудач как одной из причин революций 1917 года;

- Гражданская война (наблюдается ползучий процесс дегероизации красных командиров и реабилитации части борцов за «единую и неделимую Россию»: от Корнилова до Колчака и Врангеля);
- сверхконфликтные отношения СССР с маоистским и формально коммунистическим Китаем во время правления Хрущёва.

Отдельно следует отметить, что в описании прошлых конфликтов и проектов развития России полностью вымывается тема союзников.

В частности, маргинализированы темы сложной дипломатической игры Российской империи и союза с Королевством Великобританией против Наполеона, роли Антанты в Первой Мировой войне (что, в том числе, связано с устойчивым советским нарративом о правильности сепаратного договора правительства большевиков с Германией – «Брестском мире»; «предательстве» недавних союзников с последующей военной интервенцией в ходе начавшейся Гражданской войны), вклада США и стран Европы (Германии, Италии и др.) в индустриализацию СССР, действий стран Антигитлеровской коалиции за пределами Восточного фронта, участия народов «стран народной демократии» в борьбе с нацистской Германией.

Историко-идеологические нарративы

Нарративы представляют собой сжатые и идеологически заряженные способы описания социально-политической реальности, дающие простые ответы на сложные вопросы. Для нарративов важно указание на причинно-следственные связи (не всегда фактические), наличие героев, антигероев и идеального образа.

Чаще всего через нарративы элиты стремятся охватить большие аудитории, для чего используют нормирующие и этические повествования. Их распространение неразрывно связано с развитием технологий массовых коммуникаций: от газет к социальным медиа, но также и с борьбой за власть между элитами и политической конъюнктурой.

При апелляции к российской истории один, ранее самый влиятельный нарратив, находится в упадке. Наиболее актуальными остаются четыре позитивно нагруженных нарратива, которые ниже мы разберём подробнее.

Россия как часть Европейской цивилизации (Запада)

На сегодня в кризисе пребывает доминировавший в первые годы после распада СССР нарратив о России как части Европейской цивилизации (Запада). Данный нарратив превалировал у представителей руководства России на первых двух президентских сроках Владимира Путина и в президентство Дмитрия Медведева. Подтверждающим примером является создание Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ), который начинался именно с идеи Европы («общего экономического пространства») от Лиссабона до Владивостока.

Однако к 2014 году произошла цепочка событий, которая вывела эту идеологическую основу «из строя»: последовательное расширение НАТО на Восток, череда цветных революций на постсоветском пространстве, Мюнхенская речь Путина в 2007 году, российско-грузинский военный конфликт 2008 года, протестное движение в России 2011-2012 годов и, наконец, воссоединение Крыма с Россией.

Окончательный крест на этом нарративе поставил сам Запад введением санкций, в том числе в отношении рядовых граждан России, используя тему «коллективной вины» россиян.

Прозападный либерализм тотально выпал из политического дискурса внутри России, а его представители вытеснены за пределы страны.

Союзные представители этого нарратива - политические структуры (РПР-ПАРНАС, «Гражданская инициатива») закрыты либо угасают («Яблоко»).

Даже бывший ранее сторонником дискурса «западоцентричности России» лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский сейчас критикует руководство стран Запада и

обвиняет американцев (администрацию экс-президента США Джорджа Буша-старшего) в срыве его программ экономических реформ.

Тем не менее, «западнический» нарратив сильно укоренён в объяснении и понимании исторических процессов в России. В частности, для данного нарратива особенно важны:

- норманнская теория становления Русского государства (роднит с норманнскими завоеваниями Англии, Франции и южной Италии, осуществлёнными для контроля торговых путей);
- статус Анны Ярославны как королевы Франции в XI веке;
- торговля Пскова и Новгорода с Ганзейским союзом (Россия как часть системы большой международной торговли);
- византийское наследие - преемничество Римской империи, женитьба Ивана III на Софье Палеолог;
- стремление Ивана Грозного и Петра I выйти к морским торговым путям (а не битва за территории).

В глазах общественности два главных удара по нарративу о России как части Европейской цивилизации нанесли два западнических эксперимента XX века: установление Лениным советского государства и реформы 1990-х годов, которые в чистом виде были попыткой введения в России «передового» (на тот момент) западного учения (марксизма Лениным и либеральной демократии Ельциным).

Тезис о западническом характере советского эксперимента подтверждается и самим Лениным, для которого образцом для подражания являлась революционная Франция⁴.

Современные коммунисты пытаются замазать «западнический» характер идей Ленина, в том числе и тезисом о немецком происхождении Романовых⁵.

Образом «золотого века» для данного нарратива являются Киевская Русь как полноправная часть европейской цивилизации, Россия при Петре I, и в целом Российская империя (особенно XVIII век, когда российские монархи наиболее тесно были интегрированы в династическую политику Европы).

Модное в последние годы среди части чиновничества «ордынство» (попытка представить кровопролитное вторжение монголов в русские земли в XIII веке как

⁴ В Ленинском плане монументальной пропаганды 1918 г. было 66 персоналий, из которых 19 - иностранные: 9 французов (Бабеф, Жорес, Лафарг, Вальян, Марат, Робеспьер, Дантон, Фурье, Сен-Симон), 4 немца (Маркс, Энгельс, Бебель, Лассаль), 2 римлянина (Тибериус Гракх, Брут), по 1 англичанину (Оуэн), итальянцу (Гарибальди), поляку (Шопен) и фракийцу (Спартак)

⁵ Царские генералы, которые перешли на сторону красных.//Сайт КПРФ. 06.03.2017. URL: <https://kprf.ru/history/soviet/163015.html>

благотворное событие, привившее славянам высокую управленческую культуру завоевателей) выглядит как мазохистская пародия на радикальное западничество.

Россия как истинный Запад

На замену постепенно затухающему нарративу о России как части европейской цивилизации приходит идея России как истинного Запада.

Наиболее содержательно данную идею можно раскрыть цитатой в тот момент первого вице-премьера, а ныне министра обороны РФ Андрея Белоусова из интервью РБК в 2023 году: «[В числе направлений, с которыми Россия может выйти к миру] это традиция и консерватизм в конечном счёте. Но это далеко не всё. Это должен быть модернизированный консерватизм... Россия может стать хранителем традиционных ценностей Запада. В то время как Запад распрощался с этими традиционными своими ценностями и перешёл к чему-то другому, что на самом деле является антитрадицией в рамках постмодернизма⁶».

Наиболее яркими медийными проявлениями нарратива о России как истинном Западе, в их крайней форме, ориентированной на медиа-эффект, являются регулярно возникающие восторженные отклики представителей российской элиты о политике Дональда Трампа («приступы трампомании») и других правых политиков Запада, раскрутка переехавших в Россию западных политиков и «звёзд» (экс-министр иностранных дел Австрии Карин Кнайсль, бывшая помощница Байдена Тара Рид, актёр Стивен Сигал, спортсмен-боец Джефф Монсон), а также постыдный карго-культ Эррола Маска во время его визитов в Россию в 2025-2026 годах.

Образом «золотого века» для данного нарратива может выступать Российская империя в правление Екатерины II, Александра I и Александра II.

Самыми известными публичными респектабельными сторонниками нарратива можно назвать уже упомянутого Андрея Белоусова, а также спецпредставителя Президента РФ по инвестиционно-экономическому сотрудничеству с зарубежными странами, генерального директора Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) Кирилла Дмитриева.

Россия – отдельная цивилизация-государство (цивилизационный подход)

Наиболее популярным среди российских политиков в текущее время является цивилизационный нарратив, который заключается в представлении России как отдельной цивилизации-государства.

⁶ Андрей Белоусов: «Ядро устроено не из экономики, оно устроено из смыслов». // РБК. 13.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/business/13/06/2023/6482d3389a79473805ee8978>

Цивилизационный нарратив позволяет рассматривать весь период истории России в качестве единого целого и обосновывает историческую преемственность различных режимов и форм государственного устройства. В идеальном варианте цивилизационному подходу свойственен холизм и чужды классовые различия.

Данный нарратив неоднороден и состоит из нескольких ключевых частей: этатизм (представление о необходимости подчинения интересов личности и групп интересам государства), православие, «империя наоборот» (государство перераспределяет ресурсы в пользу периферии, принимая на себя издержки развития присоединённых территорий) и геополитический реализм.

В дискурсе российских лидеров фундаментом является сочетание идей этатизма и цивилизации-государства (что делает нарратив не в полной мере цивилизационным и не в полной мере этатистским).

Этатистский фокус проявляется и в официальном праздновании памятных дат и юбилеев, где превалируют события и фигуры, связанные с территориальным расширением России, темой служения и государственного участия в инфраструктурных проектах (подробнее см. Приложение 5).

Образом «золотого века» для данного нарратива выступают христианская Древняя Русь (времён подвигов Александра Невского и Дмитрия Донского), Царская Россия, Соборная Русь Михаила Фёдоровича Романова и Российская империя при Николае II («император-мученик»).

Наиболее полно цивилизационный подход раскрыт в идеях митрополита Тихона (Шевкунова). Другими представителями этого нарратива можно назвать Владимира Путина, Дмитрия Медведева, спикера Госдумы Вячеслава Володина, патриарха Кирилла, Владимира Жириновского и даже лидера КПРФ Геннадия Зюганова. Более подробно причины и особенности доминирования цивилизационного нарратива будут рассмотрены в следующей главе.

К нарративу «цивилизация-государство» также пытаются привязать две маргинальные идеи: азиатский путь (Россия как наследница Орды) и византизм (Россия как наследница Византии).

В настоящее время обе идеи не присутствуют в дискурсе публичных лиц высшего уровня, однако, регулярно возникают в высказываниях близких к власти деятелей

Идея о Россиикомпарт как наследнице Орды, в первую очередь, является попыткой исторического обоснования тезиса «Россия – младший брат Китая», который натянуть все же не получается из-за ряда обстоятельств отечественной истории.

Практически единственной связкой с «Большой монгольско-китайской историей» является эпизод поездки Александра Невского в Каракорум.

Россия и Китай продолжительное время были оппонентами: в XIX – начале XX вв. Российская империя выступала колониальной державой по отношению к Империи Цин и её сателлитам, а СССР был «старшим братом» КНР лишь при Сталине, после его смерти превратившись в оппонента.

К тому же китайцы не стремятся тиражировать свою модель и управленческие практики за пределы Поднебесной, равно как и делиться технологиями.

Также идеология «ордынства» регулярно используется отдельными элитными кланами, связанными с этническими и религиозными группами, как инструмент лоббистской борьбы за перераспределение ресурсов.

Византизм как историко-идеологическая схема представляет собой химеру, основанную на минимуме знаний о реальных ромеях и реальном государственном устройстве Византии.

В своей «Истории Византийского государства» Георгий Острогорский сформулировал суть реальной Империи ромеев: *«Римская государственность, греческая культура и христианская вера суть главные источники византийского развития. Без любого из этих трёх элементов сущность Византии немыслима. Только синтез эллинистической культуры и христианской религии с римской государственной формой позволил возникнуть тому историческому зданию, которое мы обыкновенно называем Византийской империей».*

В России чаще всего, вопреки историческим фактам, под «византизмом» ошибочно понимается стремление к укреплению президентской власти, этатизм, «суверенизация» культуры и научно-образовательной сферы.

Также можно отметить **мимикрию под цивилизационный подход последователей маргинальных западных теоретиков Рене Генона**, к концу жизни принявшего ислам, **и Юлиуса Эвола**, который известен своей критикой фашизма справа как недостаточно радикального учения.

Их эпигоны в России сегодня предлагают манихейскую логику смертельного противостояния Западу как олицетворению вселенского зла и призывают к воссозданию кастового общества.

Неоднородный неосоветизм

Продолжительный опыт советского прошлого и внушительная монументальная представленность советского периода сохраняют ностальгию по СССР в качестве одного из базовых исторических нарративов современной России.

Для неосоветизма характерно преобладание эстетики над содержанием, апеллирование к мифологизированному идеалу и образу, а не к идеологическому содержанию советского проекта.

Неосоветизм по версии КПРФ открещается от западных корней марксистской теории, пытаясь подстроиться под нарратив цивилизации-государства. Поэтому идеи Геннадия Зюганова можно скорее отнести к цивилизационному нарративу, а не к неосоветскому.

Если коротко резюмировать историческую доктрину КПРФ, то она выглядит примерно так: *«В X веке Русь крестил святой Владимир, в XX веке другой Владимир принёс новую, более прогрессивную версию православия».*

Концепция коммунистической традиции как части мирового левого движения иногда мелькает в деятельности компартии (заигрывание с госкапиталистическими КНР, Вьетнамом и Лаосом, персоналистски-националистическим государством чучхе КНДР, симпатии к Венесуэле и Кубе, поддержка депутатом Госдумы-коммунистом Леонидом Калашниковым нового крайне левого мэра Нью-Йорка Зохрана Мамдани).

Однако российские коммунисты натываются на проблему того, что современный западный левый дискурс включает в себя тему угнетённых меньшинств, в том числе и сексуальных, что противоречит воззрениям советских коммунистов.

Этому течению привержены и многие коммунисты-ортодоксы Латинской Америки. Достаточно вспомнить о легализации гей-браков на Кубе⁷.

А формальный коммунизм КНР и СРВ опирается на сильный националистический элемент и скрывает, по сути, правые режимы.

В целом, современный неосоветизм при этом неоднороден – его представители делают акценты на разных основаниях.

Поэтому можно выделить **пять его разновидностей**: сильное репрессивное государство, антиэлитный сталинизм, социальное государство, антиколониализм, государство ученых и инженеров.

Сильное репрессивное государство

В рамках данного подхода доминирует идея о необходимости сильной руки для проведения новой сталинской модернизации, предлагается идея жертвенного с точки зрения русского народа советского интернационализма.

Образом «золотого века» выступает послевоенный период правления Сталина. Публичными представителями подхода являются писатель Захар Прилепин, депутат Госдумы от КПРФ Нина Останина.

Антиэлитный сталинизм

Используется образ Сталина и сталинского государства как защитников обездоленного народа, терзаемого жадными элитами. Сталинизм выступает как

⁷ Движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в России

призыв к расправе над элитами. В исторической оценке роли Сталина акцентируется его роль в чистке номенклатуры, а не массовые репрессии⁸.

В своей сути это направление близко к маоизму.

Образом «золотого века» выступает предвоенный период правления Сталина. Публичным представителем подхода является член ЦК КПРФ, секретарь Саратовского областного комитета КПРФ Николай Бондаренко.

Социальное государство

Апелляция к советским практикам большого социального государства, по сути, неосоветизм без коммунистической идеологии.

Образом «золотого века» выступает СССР времён Брежнева как эпоха стабильности, разветвлённой системы социальных льгот и растущего достатка.

Публичными представителями подхода являются лидер ЛДПР Леонид Слуцкий и лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов.

Антиколониализм

Приобретает актуальность в условиях усиленного взаимодействия России со странами Глобального Юга.

Актуализирует образ СССР как защитника стран Глобального Юга, существенной роли советских деятелей в процессах деколонизации (национально-освободительной борьбы) народов Африки, Азии и Латинской Америки.

Образом «золотого века» выступает внешняя политика Хрущёва и Брежнева («новый СЭВ»).

Публичными представителями подхода являются председатель Совета Федерации РФ Валентина Матвиенко, депутаты Госдумы от КПРФ Дмитрий Новиков, Леонид Калашников.

Государство ученых и инженеров

Акцентирует внимание на научных достижениях времён СССР, особенно в сферах космонавтики, машиностроения и электроники.

Выстраивает яркий образ утопии с социалистическим лицом (например, можно обратиться к сеттингу и эстетике компьютерной игры «Atomic Heart»).

Образом «золотого века» выступает хрущёвский период без фигуры Хрущёва. Публичными представителями подхода являются космонавт, депутат Госдумы от КПРФ Светлана Савицкая, депутат госдумы от КПРФ Олег Смолин, тяготеют к нему представители технической интеллигенции.

Россия - передовое государство

Ещё одним влиятельным историческим нарративом в современной России является видение России как передового государства.

⁸ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020 — С. 443-451

В данном нарративе доминирует этатистская линия догоняющей модернизации общества как объекта (Сингапур при Ли Куан Ю). При этом он ориентируется не на цивилизационные противоречия Запада и Востока, а на поиск лучших инструментов из разных систем и эпох (универсалистский подход).

Например, именно в рамки модернизационного нарратива, а не неосоветского, укладывается тезис председателя правительства РФ Михаила Мишустина о преимуществах советского самолётостроения, поскольку он заявляет здесь об образце экономической мощи, отделённой от идеологической схемы⁹.

Данный нарратив является единственным из представленных без образа «золотого века», поскольку пытается сконструировать этот образ впереди, в будущем. Представителями данного нарратива можно назвать лидера партии «Новые люди» Алексея Нечаева, президента, председателя правления ПАО «Сбербанк России» Германа Грефа, мэра Москвы Сергея Собянина и Михаила Мишустина.

Нарратив передового государства переключает граждан с политизации повестки на модель удобного и эффективного государства (Госуслуги, цифровые сервисы и др.).

Поэтому в условиях продолжающихся ограничений в работе интернет-сервисов и мессенджеров этот нарратив может столкнуться с кризисом достижений.

⁹ Мишустин рассказал о преимуществах советского самолетостроения. // Газета.ру. 05.08.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2025/08/05/26425082.shtml>

Доминирование цивилизационного подхода

В логике работ наиболее известного российского исследователя политики памяти Ольги Малиновой официальный исторический нарратив постсоветской России следует понимать как элемент политики идентичности: он описывает генеалогию сообщества, стоящего за Российским государством, и тем самым объясняет его настоящее и будущее¹⁰.

С этой точки зрения ключевая эволюция состояла в переходе от ельцинской концепции «новой России» к путинской конструкции «тысячелетнего великого государства». В центре оказывается государство как носитель непрерывной исторической линии. Отсюда и характерная для официального дискурса эклектика: трудное прошлое не исчезает полностью, но оттесняется на периферию (что демонстрируют выявленные нами пропущенные эпизоды), тогда как политически полезные символы прошлого превращаются в основу апологетической концепции истории, пригодной для идеологической мобилизации и защиты действующего порядка.

Исследование коллективного портрета отечественной политологии, проведенное Юрием Агафоновым и Михаилом Соколовым в 2022 году¹¹, показывает не только превалирование исторических методов в российской политической науке, но и доминирование среди российских академических политологов цивилизационного подхода к истории и политике. Этот феномен проявляется в том, что среди российских учёных репутационный список мировых политологов с подавляющим отрывом возглавил Сэмюэл Хантингтон, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций. В число лидеров также попали работы политических реалистов Збигнева Бжезинского и Генри Киссинджера, которые имели основания как в геополитике, так в цивилизационном подходе.

¹⁰ Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. Монография / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. - М., 2013. - 421 с.

¹¹ Соколов М., Агафонов Ю. Академические репутации российских политологов и отечественное политологическое сообщество. ЦИАНО ЕУСПб. 2022. - 23 с.

Таблица 2. Репутационные списки наиболее значимых политических книг и их авторов (по версии российских академических политологов)

Наиболее значимые книги	Голоса	Наиболее значимые авторы	Голоса
Хантингтон С. «Столкновение цивилизаций»	82	Хантингтон С.	52
Бжезинский З. «Великая шахматная доска...»	46	Киссинджер Г.	30
Киссинджер Г. «Мировой порядок»	28	Бжезинский З.	21
Лейпхарт А. «Демократия в многосоставных обществах...»	27	Най Дж.	16
Киссинджер Г. «Дипломатия»	26	Лейпхарт А.	13

В идеальном варианте цивилизационная парадигма не предусматривает разделение исторических периодов на плохие и хорошие, что делает данный подход достаточно удобным для политиков, поскольку он позволяет гармонично соединять образы разных правителей. Влияние цивилизационного подхода остаётся предметом острых академических дискуссий, хотя его доминирование в элитном сознании подтверждается собранной в ходе данного исследования эмпирикой.

Обзор упоминаний российскими лидерами исторических правителей России показывает у целого ряда деятелей (Владимир Путин, Дмитрий Медведев, Вячеслав Володин, Валентина Матвиенко, патриарх Кирилл, Геннадий Зюганов) доминирование положительных образов российских правителей, что говорит об определённой инкорпорации ими именно цивилизационного подхода.

Среди наиболее ярких теоретиков цивилизационного подхода в России можно назвать Наталию Нарочницкую, которая прямолинейно, если не сказать манихейски, соединяет геополитическую доктрину с цивилизационным подходом, и Вадима Цымбурского, чьи работы делают это более мягко и с философским акцентом на особую роль цивилизационного пограничья, но при буквальном прочтении могут создать иллюзию доктринального обоснования обособления от соседей и остального мира «острова Россия».

Примером монументального представления цивилизационного нарратива можно назвать систему мультимедийных исторических парков «Россия – моя история», деятельность которых неформально курировал митрополит Тихон (Шевкунов).

С 2013 года по всей стране было открыто 26 исторических комплексов с охватом в более чем 29 млн посетителей. Базовые экспозиции – «Рюриковичи», «Романовы», «1914–1945» и «1945–XXI век» – выстраивают историю России как длинную непрерывную линию. В этом смысле выставка – образцовый пример нарратива «Тысячелетней России»: история Руси и России подаётся как единое линейное повествование от прошлого к будущему, в котором центральной осью повествования выступает смена правителей, а высшей точкой политического смысла – собирание земель Российского государства (по сути, территориальная экспансия без указаний на неё).

Положительные события истории распределяются между государем и народом (историческая энергия народа раскрывается в связке с правильным правителем), а негативные – локализируются в фигуре отдельного «ошибочного правителя» и ретроспективного вписывания современных политических конфликтов в глубинную историю (линия внешней угрозы). Таким образом, советская марксистская традиция истории как истории масс превратилась в историю монархов.

Выставка формирует цивилизационную схему, в которой история России подаётся как движение по «правильному» пути – пути единства, православной преемственности, государственности и собирания земель.

Негативными героями выставки выступают те исторические деятели, которые пытаются вывести Россию на альтернативный (западный) вектор. Например, князь Даниил Галицкий – единственный по-настоящему отрицательный правитель в выставке. Иван Грозный и Иосиф Сталин показаны, скорее, как амбивалентные, пограничные

фигуры – жёсткие и опасные, но всё же принадлежащие к линии исторического строительства, поскольку не выходят за пределы правильной траектории.

Единая линейка школьных учебников истории, подготовленная в 2023 году помощником Президента РФ Владимиром Мединским, ректором МГИМО МИД России Анатолием Торкуновым и научным руководителем Института всеобщей истории РАН Александром Чубарьяном, в большей мере сочетает цивилизационный нарратив с этатистским, чем выставки «Россия – моя история».

В данном учебнике именно этатизм выступает ядром повествования истории, а цивилизационный подход выступает внешней рамкой. Субъектом истории здесь почти всегда выступают государство и правитель. Церковь, культура, наука, предпринимательство оцениваются по вкладу в державную задачу, а не как автономные силы.

Системно сглажен конфликт народа и государства. Например, церковный раскол подаётся без сочувствия к старообрядцам, крепостничество – как «цена» модернизации, а сталинские репрессии – как эксцессы при индустриализации страны, без которых было бы сложно обойтись.

Среди наиболее позитивно окрашенных правителей¹² в едином учебнике истории больше всего представлены «князья-собиратели», «реформаторы-строители» и «защитники-воины», в то время как правителей, заслуживших похвалу за ограничение собственной власти или расширение представительных институтов, в данном списке практически нет.

Историческая политика в кинематографе

В современном российском историческом кино выделяется рассогласованность сигналов и фрагментация проблематики.

С 2014 по 2026 гг. вышло 27 художественных фильмов и сериалов, посвящённых 18 историческим правителям России.

Чаще всего медиа обращены к персонам Екатерины II (5) и Петра I (4), в то время как остальные исторические правители не появляются больше двух раз.

Можно отметить отсутствие фильмов и сериалов, посвящённых Николаю I (появляется только в связке с декабристами), Александру II и Александру III, что может

¹² В данный список вошли Пётр I, Иван III, Екатерина II, Владимир Путин, Иосиф Сталин, Александр II, Александр I, Александр III, Владимир Святославович, Ярослав Мудрый, Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван IV Грозный, Елизавета Петровна, Михаил Фёдорович, Алексей Михайлович, Николай I, Владимир Мономах, Иван Калита, Ольга, Рюрик, Святослав Игоревич, Леонид Брежнев, Юрий Андропов и Павел I.

частично объяснить выпадение этих императоров из списка наиболее популярных российских правителей в опросах.

Наиболее амбициозный цикл исторических проектов представлен сейчас фильмами Андрея Кравчука и Морада Абдель-Фаттаха: «Викинг», «Союз спасения», «Пётр I: Последний царь и первый император», «Императрицы», «Екатерина Великая», «Рождение империи» (в производстве).

Работы Кравчука и Абдель-Фаттаха строго следуют линии положительного образа российских правителей, что позволяет поддерживать цивилизационный нарратив («в каждой эпохе было что-то хорошее»). Например, очень спорно в фильме «Императрицы» выглядит позитивный образ Анны Иоанновны.

Фигура Сталина остаётся настолько дискуссионной в современной массовой культуре, что его образ чаще раскрывается в фильмах, в которых Сталин фигурирует в качестве второстепенного персонажа: сериалы «Светлана» и «Власик. Тень Сталина» десакрализируют образ Сталина, а фильмы «Мария. Спасти Москву» и «Зоя» пытаются приобщить Сталина к цивилизационному нарративу, показывая его как сочувствующего православию, что, конечно же, является чистой воды выдумкой.

Результаты опросов общественного мнения демонстрируют общественный интерес к фигурам из разных эпох отечественной истории. Таким образом, цивилизационный подход является не просто «удобной идеологемой» для элит, а в том числе и инструментом реагирования на реальный запрос людей в устойчивой, целостной и понятной идентичности. Чувство принадлежности к большой стране со своей миссией является важным фактором в социальном проектировании, а попытка слома этих рамок может вызвать сильный кризис идентичностей в массовом сознании.

Историческое позиционирование силовиков как маркер конкуренции нарративов

Не только на уровне массового сознания, но даже на фоне официального легендирования министерств и служб можно обнаружить расхождение между цивилизационным и неосоветским подходами.

Это легендирование проявляется в открытии ведомственных памятников, а также на самих сайтах органов, которые используют разные отправные точки в описании истории ведомства.

К первой, цивилизационной, группе можно отнести МИД, который ведёт свою «родословную» с Древней Руси и направления русского посольства в Константинополь в 838 году (также в системе МИД символически канонизированы фигуры Александра Невского как покровителя дипломатии и Александра Горчакова – министра иностранных дел при Александре II и Александре III), ФСО (упомянут Артамон Матвеев, деятель эпохи царя Алексея Михайловича), а также МВД, Росгвардию, СКР и Генпрокуратуру – они отслеживают свою историю от императорской России.

А во вторую, неосоветскую, группу входят ФСБ и СВР, поскольку они считают своим родоначальником ВЧК.

На сайте ФСБ перечислены все предыдущие руководители спецслужбы, включая Генриха Ягоду, Николая Ежова и Лаврентия Берию.

В «иконостасе» российских спецслужб отсутствуют первый руководитель политического сыска - Приказа тайных дел Дементий Башмаков (1654 г.) и первый руководитель разведки - инспекции секретных дел Алексей Воейков (1810 г.).

Впрочем, представители СВР отмечают, что разведывательные подразделения Российской империи были скорее аналогами армейской разведки – Главного управления Минобороны. А политическая разведка институционально появилась только в советское время.

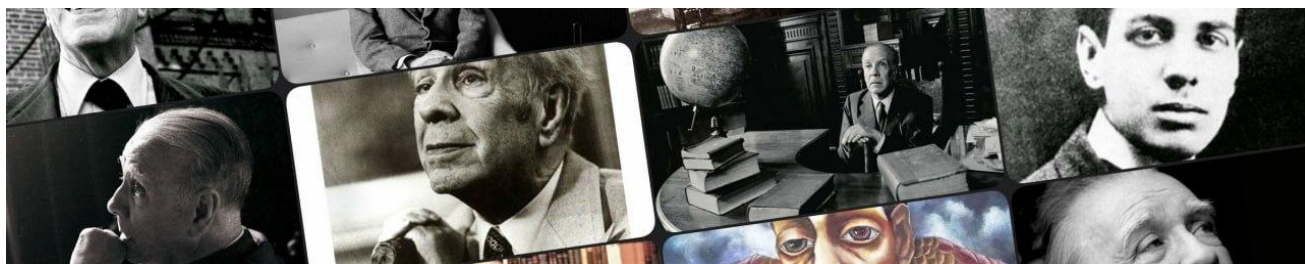
Так или иначе, пантеон спецслужб сегодня - исключительно советский, представленный преимущественно Феликсом Дзержинским, Юрием Андроповым и, с недавнего времени, экс-руководителем федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству Евгением Примаковым.

В качестве дополнительных примеров усиления этого пантеона можно выделить установку памятников Дзержинскому у штаб-квартиры СВР (2023 год) и Андропову на территории Академии внешней разведки (2025 год), а в конце апреля 2026 года Владимир Путин вернул Академии ФСБ почётное наименование «имени Ф.Э.Дзержинского»¹³.

¹³ Указ Президента Российской Федерации №271 «О присвоении федеральному государственному казённому образовательному учреждению высшего образования «Академия Федеральной службы безопасности Российской Федерации» почётного наименования». // Сайт Президента Российской Федерации. 22.04.2026. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/79592>

Образы прошлого в дискурсе российских политиков

Хорхе Луис Борхес сформулировал четыре универсальных сюжета, к которым, по его мнению, сводится вся мировая литература¹⁴.

Политические нарративы используют те же архетипические структуры – сознательно или нет.

Политические нарративы часто комбинируют несколько сюжетов: лидер может одновременно «защищать крепость» (осада) и «вести народ к цели» (поиск сокровищ).

1. Осада/оборона крепости.

Герой или группа защищают позицию, зная о неизбежной угрозе извне. Ключевой операционный признак: наличие границы (крепость, периметр, суверенитет), которую пытаются нарушить враги, и защитника, который стоит до конца – даже без шансов на победу. Конфликт разворачивается по оси «свой/чужой», «внутри/снаружи». Идеологически это может проявляться в риторике как «государство в кольце врагов», «суверенитет под ударом», «нация-крепость», которые свойственны консерватизму и национализму.

Операционные маркеры:

- явный внешний враг или осаждающая сила;
- территориальный или символический периметр, который нужно удержать;
- героизм через стойкость, а не через победу;
- нарратив о выживании и сопротивлении.

2. Возвращение домой.

Герой оторван от своего дома (идентичности, Родины, статуса) и проходит через испытания, чтобы вернуться.

Ключевой операционный признак: исходная точка – утраченное «свое», финальная точка – восстановление этого «своего».

Путь – серия препятствий, каждое из которых проверяет, остался ли герой «собой».

В качестве идеологического проявления сюжета могут выступать идеи деколонизации, реставрации, любые нарративы о возрождении нации и «возвращения утраченного величия» (например, движение MAGA в США).

¹⁴ Borges J.L. El oro de los tigres. – Buenos Aires: Emecé, 1972. – 168 pp.

Операционные маркеры:

- явный образ утраченного «дома» (прошлое величие, прежний статус, народная идентичность);
- враги или препятствия, мешающие возвращению;
- испытания как доказательство верности исходным ценностям;
- финал – реинтеграция и восстановление.

3. Поиск сокровищ.

Герой движется к цели, которой у него ещё нет.

Ключевой операционный признак: нарратив строится вокруг объекта поиска – он может быть материальным (власть, территория) или символическим (справедливость, истина, будущее).

Препятствия – не враги, а лабиринт обстоятельств.

Может проявляться в идеологическом нарративе в виде апелляций к национальным проектам, исторической миссии, строительству будущего.

Больше выражено в виде утопических версий классических идеологий (либерализма и социализма).

Операционные маркеры:

- явно сформулированная «цель» или «миссия»;
- герой в движении, а не в обороне;
- логика квеста: каждый шаг приближает или удаляет от цели;
- акцент на воле, стратегии и преодолении.

4. Самопожертвование бога.

Герой добровольно жертвует собой ради высшей цели или общего блага.

Ключевой операционный признак: герой обладает исключительным статусом (харизма, сила, власть) и сознательно от него отказывается или гибнет.

Жертва не случайна – она смыслообразующая.

Для идеологического выражения данного сюжета характерны культ павших героев, наличие политического мученика и/или лидера-жертвы.

Наиболее ярко данный сюжет проявляется у революционных движений, религиозных фундаменталистов.

Операционные маркеры:

- герой с сверхчеловеческим или исключительным статусом;
- добровольность жертвы – отсутствие бегства или сопротивления судьбе;
- смерть или отречение как акт смыслопорождения;
- нарратив искупления или трансформации через потерю.

Борхес сводил к четырём сюжетам не содержание историй, а их драматическую структуру – тип конфликта, позицию героя, логику финала.

Таким образом, Борхеса возможно использовать как первый слой дешифровки идеологических нарративов (понимания механизмов), а само содержание нарративов требует изучения через классический идеологический анализ.

Схема четырёх сюжетов Борхеса хорошо работает для перевода абстрактных принципов идеологии в эмоциональный нарратив, а также может объяснить политические альянсы и конфликты. Тем не менее, сюжетная схема не различает содержание идеологических нарративов, а также на неё сложно наложить смешанные нарративы и новые идеологии (например, либертарианство и технократизм).

Элитный дискурс тесно связан с политикой исторической памяти, поскольку элиты конвертируют символический капитал прошлого в политические дивиденды. Обращение к истории служит политическим ресурсом для обоснования решений и иерархий.

В ходе нашего исследования были проанализированы высказывания 20 политических и общественных деятелей России, из которых выделены 12 с наиболее существенным объёмом выступлений на исторические темы.

В работе использовались стенограммы официальных выступлений, комментарии СМИ, статьи, книги и другие зафиксированные высказывания с 2000 года по настоящее время.

Политические лидеры, чьи высказывания были проанализированы:

- **Путин Владимир Владимирович** – Президент Российской Федерации;
- **Медведев Дмитрий Анатольевич** – заместитель председателя Совета Безопасности Российской Федерации, председатель Всероссийской политической партии «Единая Россия»;
- **Матвиенко Валентина Ивановна** – председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, сенатор Российской Федерации – представитель от исполнительного органа государственной власти города Санкт-Петербурга;
- **Володин Вячеслав Викторович** – председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации;
- **Патриарх Кирилл (Гундяев)** – Патриарх Московский и всея Руси, митрополит Калининградский;
- **Митрополит Тихон (Шевкунов)** – митрополит Симферопольский и Крымский;
- **Зюганов Геннадий Андреевич** – депутат Государственной Думы, член Комитета ГД по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, руководитель фракции КПРФ, председатель Центрального Комитета КПРФ – политической партии Коммунистическая партия Российской Федерации;
- **Слуцкий Леонид Эдуардович** – депутат Государственной Думы, председатель Комитета ГД по международным делам, руководитель фракции ЛДПР, председатель политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России;
- **Миронов Сергей Михайлович** – депутат Государственной Думы, руководитель фракции «Справедливая Россия», председатель Социалистической политической партии «Справедливая Россия»;
- **Нечаев Алексей Геннадьевич** – депутат Государственной Думы, руководитель фракции «Новые люди», председатель политической партии «Новые люди»;
- **Явлинский Григорий Алексеевич** – председатель Федерального политического комитета политической партии «Российская объединённая демократическая партия «ЯБЛОКО»;
- **Жириновский Владимир Вольфович** (1946 – 2022 годы) – бессменный председатель политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России, многолетний руководитель фракции ЛДПР в Государственной Думе.

Универсально позитивные образы прошлого у российских политиков чаще всего связаны с процессами реформ (Пётр I, Екатерина II, Александр II) и форсированного индустриального развития (Пётр I, Сталин), военными достижениями и расширением границ России.

Среди наиболее часто позитивно упоминаемых личностей можно отметить Петра I (которого поддерживали идеологически разные лидеры), Сталина (открыто негативное отношение в настоящее время только у Явлинского).

У многих исследуемых персон особое место занимают правители, при которых Россия достигла крупных территориальных приобретений.

Универсально негативные образы прошлого представляются собой нестабильные периоды – Смута, распад СССР, 1990-е годы (почти все исследуемые лидеры критикуют эти периоды).

Универсально для российских политиков отрицательное отношение к деятельности Хрущёва (особенно со стороны патриарха Кирилла и коммунистов), Горбачёва (открыто позитивно только у Явлинского).

Отрицательным персонажем для российских политиков является и Ленин, к которому явно положительное отношение демонстрирует только Зюганов.

Чётко сформированный образ идеального прошлого есть у митрополита Тихона (эпоха Николая II) и Явлинского (Перестройка), а также был у Жириновского (Павел I).

Имеются определённые контуры видения у Зюганова и Новикова из КПРФ (послевоенные сталинские годы как самый позитивный период, парадоксальное совмещение Ленина и Сталина), патриарха Кирилла (обращение к имперской и царской России, Россия современная как наследник России имперской).

У других исследуемых лидеров (Путин, Медведев, Володин, Матвиенко, Миронов) чёткая артикуляция идеальных образов прошлого либо отсутствует, либо в образ интегрируются элементы разных эпох.

К прошлому не апеллирует Алексей Нечаев, который больше фокусируется на образе непосредственно будущего.

Среди зарубежных политиков положительно упоминаются те деятели, которые благосклонно относились к СССР – Шарль де Голль, Франклин Делано Рузвельт, Гельмут Коль.

Позитивно оценивались лидеры коммунистических КНР (Мао Цзэдун, Дэн Сяопин), Кубы (Фидель Кастро), КНДР (Ким Ир Сен, Ким Чен Ир) и Вьетнама (Хо Ши Мин), притом не только представителями КПРФ, но и Медведевым, Володиным, Матвиенко и Слуцким.

Зарубежные лидеры досоветского периода практически не упоминались.

В течение 2025 года рядом деятелей (Матвиенко, патриарх Кирилл) позитивно оценивались процессы деколонизации Африки, Азии и Латинской Америки, что скорее вызвано конъюнктурными соображениями в условиях обращения к «Глобальному Югу».

Таблица 3. Сравнительная таблица нарративов, базовых сюжетов и исторических образов российских политиков и общественных лидеров

Политик	Нарратив	Сюжет	Ключевые герои	Ключевые антигерои
Путин	цивилизационный	поиск сокровищ → оборона крепости	Александр III, Екатерина II, князь Владимир	Ленин, Борис и Глеб, Сталин
Медведев	цивилизационный	поиск сокровищ → оборона крепости	Александр II, Минин и Пожарский, Екатерина II	Ленин
Матвиенко	неосоветизм (антиколониализм)	возвращение домой	Минин и Пожарский, Александр II, Витте	—
Володин	цивилизационный	оборона крепости	—	Горбачев, Николай II, Ленин
патриарх Кирилл	цивилизационный	возвращение домой	князь Владимир, Александр Невский, Дмитрий Донской	Хрущев, Ленин, Иван Грозный
митрополит Тихон	цивилизационный	самопожертвование Бога	Борис и Глеб, Николай II, Екатерина II	Ленин, Сталин, Иван Грозный
Жириновский	цивилизационный	поиск сокровищ	Павел I, Иван III, Брежнев	Борис Годунов, Керенский, Троцкий
Слуцкий	неосоветизм (соц. гос-во)	оборона крепости и возвращение домой	Николай II	Ленин
Зюганов	цивилизационный (под маской неосоветизма)	возвращение домой	Ленин, Андропов, Сталин	Ельцин, Николай II, Горбачев
Миронов	неосоветизм (соц. гос-во)	оборона крепости	Екатерина II, Князь Владимир, Николай I	Горбачев, Николай II, Петр I
Явлинский	западник	возвращение домой	Горбачев, Александр II, Ельцин	Сталин, Ленин, Андропов
Нечаев	передовое государство	поиск сокровищ	Гагарин	Горбачев, Ленин

Владимир Путин

Отношение и симпатии Путина к российской истории и её деятелям основаны на нескольких принципах.

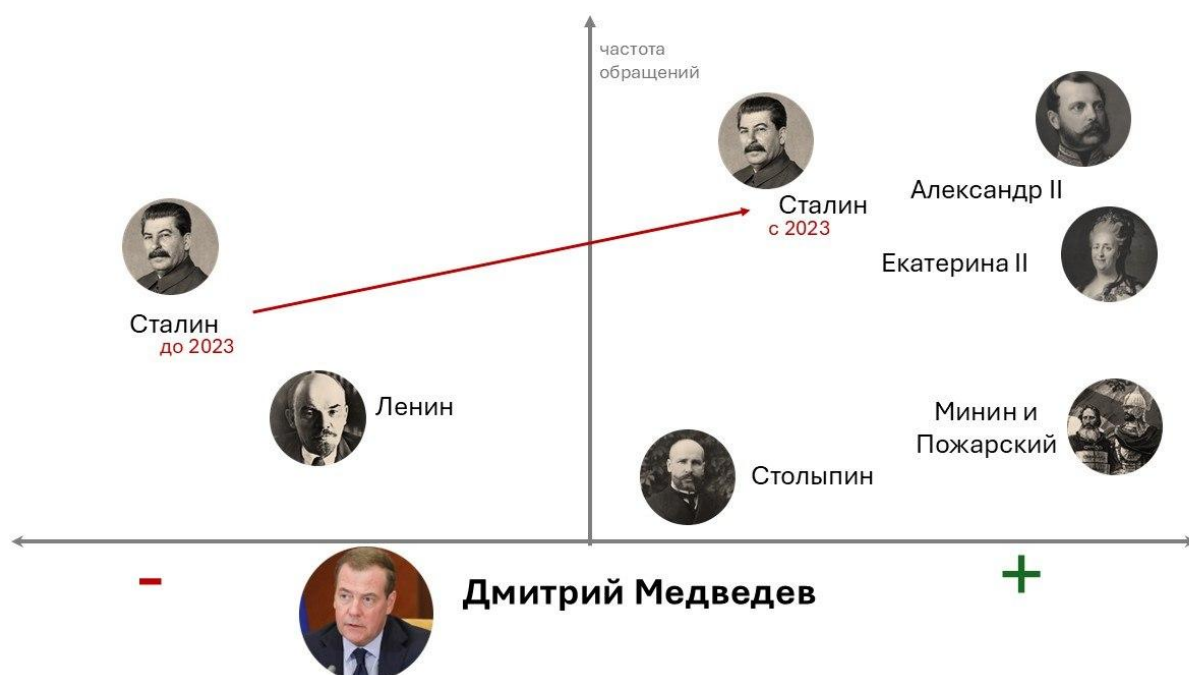
- В самом начале своего президентства, в 2000 году Путин де-факто взял на вооружение стратегию исторической преемственности, эклектичного отбора лучших событий и правителей из всех периодов истории России, доведя свои воззрения до формулы «Тысячелетней России» в 2012 году.
- Ключевой критерий эффективности исторических деятелей для Путина – присоединение новых территорий (Пётр I, Екатерина II), отстаивание национальных интересов России (Александр III) и вклад в создание архитектуры международной безопасности (Александр I), а также создание сильного государства (князь Владимир).
- В последние годы Путин осмысляет российскую историю через деяния правителей. На вопросы журналистов о лучшей эпохе российской истории или её представителях Путин неизменно вспоминает именно государей. Хотя ранее, в сентябре 2001 года для немецкой газеты «Бильд», Путин помимо Петра I и Екатерины II упомянул Петра Столыпина в числе исторических деятелей, которыми он восхищается.
- Не говоря об этом напрямую, Путин явно в наибольшей степени симпатизирует именно имперскому прошлому России. На это указывает перечень правителей России, которых Владимир Путин чаще остальных называет в числе лучших или тех, кем он восхищается – Пётр I и Екатерина II.
- Наиболее заметная динамика произошла в отношении Путина к Александру III. Если в 2000-е годы Путин практически не вспоминал о его правлении, то с 2017 года

император-«миротворец» вошёл в число деятелей, о которых Путин высказывается наиболее комплиментарно. Более того, только Александру III президент России открыл два памятника – в 2017 и 2021 годах.

- Советское прошлое для Путина намного сложнее в плане политического использования из-за того, что миф основания СССР напрямую связан с Октябрьской революцией. Для Путина как Октябрь 1917, так и революции вообще – события с негативной коннотацией, о которых президент высказывается критически. При этом для Путина крайне важна тема победы СССР над нацизмом, которая является стержнем национальной идентичности. Также для Путина является негативной фигура основателя СССР – Владимира Ленина, который стал объектом его критики из-за национальной политики. Не получает однозначно позитивной или негативной оценки Путина наиболее противоречивый правитель СССР – Иосиф Сталин, поскольку Путин критикует внутреннюю политику Сталина и при этом оправдывает внешнюю как прагматичную. В последнее время в высказываниях Путина открытая критика Сталина уже не прослеживается, а упоминается этот советский лидер больше в нейтральном ключе.
- Подобную амбивалентную оценку заслужил и Иван Грозный, который действовал в соответствии с нравами своего времени и был, по мнению Путина, оклеветан иностранцами.

Базовый сюжет: переход от поиска сокровищ к обороне крепости.

Дмитрий Медведев

Наиболее содержательная работа Дмитрия Медведева с историческими образами пришлось на годы его президентства 2008-2012 годов, когда Медведев последовательно выстраивал либерально-реформаторский канон.

В те годы наиболее позитивным образцом для Медведева выступал Александр II как «великий реформатор», рассмотревший слабость и бесперспективность полученных в наследство крепостничества и военно-бюрократической вертикали, готовый идти на изменения, вне зависимости от сопротивления среды.

Радикальная смена риторики касается фигуры Сталина, которого в 2009-2010 годы Медведев активно критиковал и называл его действия преступлениями (репрессии и Катынский расстрел), а в 2023 году на заседании Военно-промышленной комиссии зачитал телеграмму Сталина как образцовый управленческий приказ.

Впрочем, эта апелляция может быть логичной в условиях ведущихся военных действий и ожиданий того, что они закончатся «новой Ялтой» - большой сделкой великих держав.

В настоящее время основной нарратив Медведева направлен либо на внешнюю аудиторию, либо на внутреннюю, интересующуюся внешней политикой, поэтому Медведев вообще не упоминает негативно или позитивно российские исторические фигуры. Особенно агрессивно его отношение к украинским националистам (Бандера, Стецько и другие).

Позитивное упоминание образов прошлого России связано с её военными достижениями (петровские реформы, Отечественная война 1812 года, послевоенное развитие, военные успехи в 2000-х годах при Медведеве). Основная критика направлена в сторону распада СССР и нестабильного периода 1990-х годов (как негативные последствия краха Советского государства).

Базовый сюжет: переход от поиска сокровищ (во время президентства) к обороне крепости (после премьерства).

Валентина Матвиенко

Валентина Матвиенко редко обращается к образам и фигурам прошлого во время своих выступлений. При этом Матвиенко комплексно критикует 1990-е годы как «один из тяжелейших политических, экономических и ценностных кризисов» и хвалит политиков 90-х (как совокупность), которые всё это преодолели, создали Конституцию и исправили кризис.

Матвиенко, как и предыдущие политики, отмечает в качестве позитивного образа военные достижения России (Смута, Чеченские войны), но делает фокус на внешних стимулах – помощи партнёрам (деколонизация стран Африки и Латинской Америки) или отражения внешних угроз (Смута, Холодная война).

Обращение к антиколониционному нарративу в его советском виде может быть связано с дипломатической службой Матвиенко в начале 1990-х годов.

У Матвиенко можно выделить прагматический взгляд на историю как способа понимания современности. Например, она обращается к Александру II для подтверждения тезиса о положительной роли умеренных реформ, а к Николаю II (единственное позитивное обращение Матвиенко к российскому правителю за 2025-2026 годы) – именно как к заложившему основы парламентаризма.

Базовый сюжет: возвращение домой (к лучшим традициям).

Вячеслав Володин

В своих публичных выступлениях Вячеслав Володин преимущественно положительно оценивает те личности, с которыми непосредственно работал, – режиссера Станислава Говорухина (4 обращения за 2025-2026 гг.), экс-министра иностранных дел РФ, премьер-министра РФ Евгения Примакова (ментор Володина, 2 упоминания) и Владимира Жириновского (2).

Особое отношение у Володина и к фигуре Петра Столыпина, фактически земляка, поскольку Столыпин служил губернатором Саратовской губернии.

Частое появление фигур Примакова и Столыпина в высказываниях Володина отражает попытку найти образ для собственного позиционирования как фигуры «соратника вождя». Таким образом, значимые исторические образы у Володина имеют личный характер, формируются под воздействием персональной политической стратегии.

Поразительно, что в программной статье¹⁵ спикера нижней палаты, посвящённой 120-летию парламентаризма в России, Володин четырежды упомянул Петра Столыпина и ни разу ни одного из своих предшественников на посту руководителя Госдумы.

В остальном его оценки исторических правителей России в большей мере соотносятся с общественным мнением в виде позитивных оценок роли Сталина, негативных оценок Горбачёва. В течение 2025 года Володин также заметно усилил количество упоминаний Сталина, в т. ч. поддержав решение КПРФ пересмотреть оценки

¹⁵ 1906-2026: история и современность: Вячеслав Володин - о развитии парламентаризма в России //Российская газета. 24.04.2026 <https://rg.ru/2026/04/24/1906-2026-istoriia-i-sovremennost.html>

Сталина на XX съезде КПСС¹⁶. Эти упоминания также могут иметь цель «поддеть» на пленарных заседаниях КПРФ и её депутатов, которые являются частым объектом колкостей со стороны спикера Думы.

Превалирование позитивных оценок исторических личностей говорит о том, что Володин в своём нарративе апеллирует к идеальным образам исторических персон в качестве подтверждения собственной позиции.

Непосредственно отдельным историческим периодам при этом Володин даёт почти гарантированно негативную оценку, в особенности, 1990-м (5), советскому периоду (3) и распаду СССР (3).

Базовый сюжет: оборона крепости.

¹⁶ Володин поддержал пересмотр коммунистами оценки Сталина на XX съезде КПСС. // Парламентская газета. 23.07.2025. URL: <https://www.pnp.ru/social/volodin-podderzhal-peresmotr-kommunistami-ocenki-stalina-na-xx-sezde-kpss.html>

Патриарх Кирилл

Патриарх Кирилл регулярно упоминает исторические периоды и личности во время проведения проповедей, написания писем с поздравлениями по всем важным мировым событиям, участия в конференциях и интервью.

Чаще всего патриарх Кирилл упоминает СССР (99 обращений за 2025-2026 годы), в основном критикует советский период (92), но иногда и хвалит (6): за подвиги солдат, за веру простого народа и священников, за деколонизацию, за борьбу с сектами и за отсутствие порнографии в продаже.

Патриарх Кирилл является единственным публичным спикером, который называет современную Россию (44) отдельной эпохой и позитивно оценивает образ настоящего, называя текущие условия «самыми благоприятными»; порицает (2) её только за личное неверие русских людей, которые не пользуются благами этой эпохи. Позитивными образами прошлого выступают Российская империя (13), Царская Русь (8) и период Крещения Руси (9).

В качестве отрицательных образов, помимо советской эпохи, преимущественно выступают периоды нестабильности и раздробленности – дохристианская Русь (5), Средние века (3), Смуты (5), революция 1905 года (1), революции 1917 года (10), Гражданская война (2), «Перестройка» (1) и 1990-е (3).

Из исторических личностей наиболее последовательная критика патриарха Кирилла направлена в сторону Хрущёва (18) (преимущественно за хрущёвскую антирелигиозную кампанию (10), а также Кагановича (3, за снос Храма Христа Спасителя).

Позитивные образы правителей у патриарха Кирилла – люди воцерковлённые, обращавшиеся в сторону веры в трудные периоды и помогавшие Церкви: князь Владимир (12), Александр Невский (6), Дмитрий Донской (5) и экс-мэр Москвы Юрий Лужков (3).

В 2008 году на тот момент ещё митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл был представителем сторонников Александра Невского в ходе финального этапа проекта «Имя России».

Базовый сюжет: возвращение домой.

Митрополит Тихон

Центральной темой выступлений митрополита Тихона является реабилитация образа Николая II и опровержение мифов об отсталости Имперской России.

Образ дореволюционной России является идеальным прошлым в видении митрополита Тихона, которое он пытается подтвердить фактами о социально-экономическом развитии государства при Николае II.

Довольно необычна для церковного иерарха попытка Тихона обелить образ Петра I. Митрополит высоко оценивает его как создателя империи и объединителя народов, к которому в церковных кругах относятся несправедливо. Таким образом, Тихон пытается встроить Петра I в единый цивилизационный нарратив.

Самыми негативными персонажами для Тихона выступают Сталин и Ленин, которые избрали в качестве сознательной стратегии террор против народа России, но именно Ленин называется «самым страшным персонажем в нашей истории».

Резко негативная оценка Ленина встраивается в цивилизационный нарратив, поскольку он представляется в данной линии повествования как разрушитель сложившегося порядка и «разъединитель» русской идентичности.

Базовый сюжет: самопожертвование Бога (у единственного среди рассмотренных фигур).

Геннадий Зюганов

У Геннадия Зюганова присутствует исключительно высокая оценка коммунистических вождей раннего СССР Ленина и Сталина, а также их заслуг в создании и построении советского государства.

Отношение к Ленину у Зюганова исторически более положительное: например, в 2008 году на проекте «Имя Россия» в финальном этапе Зюганов представлял сторонников Ленина, а за Сталина выступал генерал армии Валентин Варенников.

Зюганов также с оговорками позитивно отзывается о сильных государственных деятелях – Иване Грозном, Петре I (претензии были, но они заботились о государстве), Александре III (крайне положительный образ). Отмечается высокая роль князя Владимира.

Объектами регулярной критики со стороны Зюганова выступают Николай II, Хрущёв, Горбачёв и Ельцин, которые им оцениваются как слабые и недальновидные политики, не учитывавшие интересов государства.

Важным событием для формирования позиции партии по историческим вопросам стал съезд КПРФ в июле 2025 года, на котором Компартия приняла резолюцию о признании ошибочным доклада Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС.

Однако ни к каким практическим выводам это не привело – в частности, не возник вопрос о реабилитации организаторов политических репрессий 1930-1950-х годов. Ведь получается, если репрессий на самом деле не было, руководству КПРФ следует обращаться в суды с требованием реабилитации Генриха Ягоды, Николая Ежова и Лаврентия Берии и их соратников.

Среди исторических периодов у Зюганова преобладает жёсткая критика событий 1980-1990-х годов: «Перестройки» (7), распада СССР (7), периода реформ в России (17). Зюганов даёт положительные оценки советского периода, особенно предвоенного промышленного и культурного развития, которое обобщается термином «ленинско-сталинская модернизация» (15).

Таким образом, КПРФ не считает себя наследником «развитого социализма» Брежнева и Андропова (практически не упоминая обоих лидеров) и довольно мифологически чтит себя продолжателем дела идеальных образов Ленина и Сталина.

При сохранении классовой риторики Зюганов всё же является представителем цивилизационного нарратива.

Стоит отметить парадоксальность ряда оценок и мнений, например, в виде положительного отношения и к Ленину, и к Сталину, хотя именно Сталин в дальнейшем репрессировал большинство близких соратников Ленина (они Зюгановым и его товарищами по партии игнорируются).

Этим вопросам была посвящена обширная дискуссия¹⁷ Евгения Минченко и первого заместителя председателя КПРФ Юрия Афонина.

Также в риторике КПРФ отсутствует важный для Ленина нарратив о предшественниках в мировой, в первую очередь, европейской истории.

В сравнении с Зюгановым более последовательно с точки зрения коммунистической ортодоксии выглядят высказывания ключевого идеолога КПРФ депутата ГД Дмитрия Новикова, для которого большое значение имеет классический марксистский нарратив об истории XIX–XX вв. с критикой империализма, а не нарратив о «ленинско-сталинской модернизации» (риторика фокусируется на макроистории, в которую история России встраивается на правах частного случая).

Базовый сюжет: возвращение домой.

¹⁷ <https://t.me/enminchenko/138>

Владимир Жириновский и Леонид Слуцкий

Среди всех представленных в обзоре политических лидеров Владимир Жириновский выделяется наиболее целостной и детализированной картиной прошлого России, сформированным образом идеала и последовательным отношением к тем или иным личностям.

Жириновский открыто признавал Павла I своим любимым правителем, называя его разумным и сбалансированным политиком.

Также позитивными образцами лидеров страны выступают Иван III (централизация государства), Пётр I (высокая оценка с критикой методов) и Леонид Брежнев (эпоха стабильности и надежды на будущее).

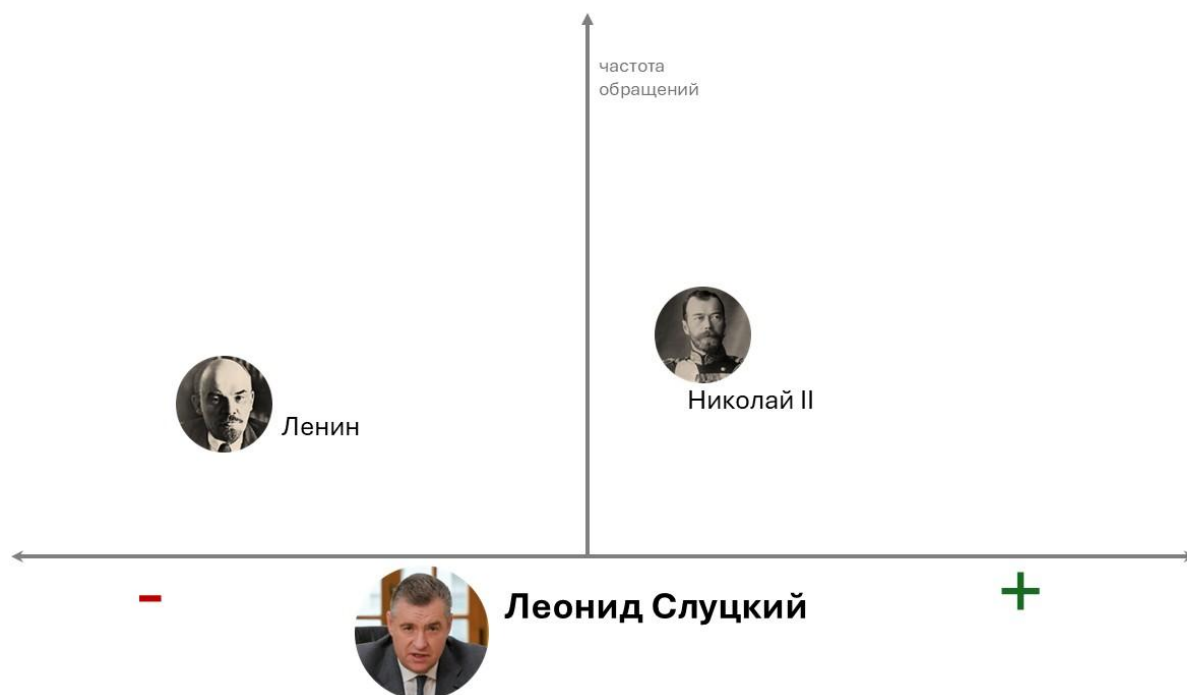
Можно отметить и неожиданную на первый взгляд связь между Павлом I и Брежневым как представителями авантюрного подхода к геополитике и большой многофакторной игры на внешней арене, предполагающей поиск новых союзников и возможностей.

Наиболее критическая оценка даётся Борису Годунову, Льву Троцкому и Александру Керенскому как подражателям западному образцу, допустившим крах системы. Троцкого Жириновский прямо называл агентом американцев.

Ярко негативное отношение к Ленину и Сталину обосновывается массовыми репрессиями (со стороны обоих деятелей) и провалом национальной политики, приведшей к развалу страны.

Необычно, что Жириновский критиковал Екатерину II (входящую в число самых популярных правителей по версии населения), оспаривая её титул «Великая».

Базовый сюжет: Возвращение домой через Поиск сокровищ (возвращение сильного российского государства образца Российской империи через инструменты «Большой геополитической игры»).

На этом фоне можно отметить существенный разрыв в образе прошлого между Жириновским и его преемником на посту лидера ЛДПР Леонидом Слуцким.

Слуцкий к образам прошлого практически не обращается, упоминая исторические личности больше в контексте памятных дат.

Таким образом, целостный исторический взгляд Жириновского не перерос в идеологию его наследников, а его сложная концепция пропала из публичной риторики ЛДПР: геополитика заменилась масштабным социальным популизмом.

Также стоит заметить радикальное снижение в риторике современной ЛДПР мотивов русского национализма, ссылки на который сохраняются исключительно формально.

Из значимых позитивных ресурсов нового лидера партии можно отметить его гораздо более близкий контакт с руководством РПЦ, чем был у основателя ЛДПР.

Обращение Слуцкого к образам социального государства и формирование политического предложения в 2026 году как пакета адресных льгот различным категориям населения можно трактовать как неосоветизм без коммунистической идеологии.

Дополнительным штрихом к этому тезису является тот факт, что во время членства в ПАСЕ Слуцкий был единственным делегатом от ЛДПР, который состоял во фракции Социалистов (в 2000-16 гг.)^{18 19}.

Базовый сюжет: сочетание обороны крепости с возвращением домой (в СССР – сильное социальное государство).

Иногда у авторов этого текста возникает впечатление, что идеология реального Владимира Жириновского оказалась по факту приватизирована «партией власти». Об этом, в частности, свидетельствует масштабное празднование 80-летия политического патриарха.

В то же время у ЛДПР во франшизе от Жириновского остался только визуальный образ – как Че Гевара у современных западных левых, с практически полной заменой содержания.

Наверное, это было неизбежно в условиях избранной новым лидером партии стратегии превращения в статусного функционера внутри системы, движущегося в заданном коридоре, а не бунтаря, предлагающего новые неординарные идеи и подходы.

¹⁸ SLUTSKIY, LEONID. // Composition — Parliamentary Assembly of the Council of Europe. URL: <https://pace.coe.int/en/members/4380/slutskiy>

¹⁹ Другие члены ЛДПР в ПАСЕ состояли в консервативной ЕДГ или как внефракционные (В.Жириновский, С.Жебровский, М.Мусатов, Я.Нилов).

Сергей Миронов

Исторические образы в риторике Сергея Миронова бессистемны и раздроблены. Историческая ретроспектива скорее выступает подтверждением программных тезисов (например, критика царского режима через призму социального неравенства).

Отсюда повышенный уровень абстракции (в виде стремления критиковать Средневековье и раннее Новое время за недостаточный уровень жизни и социальные проблемы) и даже фактологические ошибки.

К примеру, Миронов заявлял об «уровне рождаемости» 1,4 в России конца XVIII века (видимо, имея в виду суммарный коэффициент рождаемости) при фактических цифрах среднего числа детей в семье в 5–6 в тот период.

В 2008 году на проекте «Имя Россия» в финальном этапе Миронов представлял сторонников Суворова, что тогда выражалось в позиционировании Миронова как бывшего военного.

Критика исторических персон либо носит идеологически программный характер (осуждение политики Петра I и Николая II за раскол между населением и верхами), либо является потаканием общественному мнению (критика Горбачёва и Ельцина, переход от осуждения Сталина к более умеренным оценкам).

Базовый сюжет: оборона крепости.

Григорий Явлинский

В выступлениях Григория Явлинского можно выделить идеальный для него исторический период – годы Перестройки, когда в стране присутствовали свобода и все возможности для дальнейшего развития и трансформации в демократическое государство, а ещё Явлинский находился во «властной обойме». Любые другие исторические периоды оцениваются либо нейтрально, либо негативно.

Среди всех изученных российских политиков именно Явлинский выступает с самой яркой критикой 1990-х годов, в частности, провальных реформ, которые привели к текущему состоянию российского государства, отмечая это во всех своих интервью и выступлениях.

В связи с идеальным образом Перестройки позитивно оцениваются фигуры Горбачёва (5 обращений) и Ельцина (2).

Отрицательно Явлинский относится к деятельности Сталина (5) и Андропова (5), критикуя за репрессивный характер правления обоих советских лидеров.

Из представленных в исследовании фигур Явлинский длительное время являлся единственным публичным сторонником западного пути развития России. Однако в течение 2025 года можно отследить трансформацию риторики Явлинского в сторону умеренной критики правительств Запада, к которой примыкает личная обида: согласно рассекреченным документам, администрация Джорджа Буша-старшего сорвала программу экономических реформ в СССР Явлинского, опасаясь конкуренции.

Базовый сюжет: возвращение домой (к годам «перестройки»).

Алексей Нечаев

Создатель партии «Новые люди» Алексей Нечаев является единственным лидером парламентской партии, который в 2025–2026 годах вообще не обращался к историческим образам и персоналиям политического характера.

При этом он фактически представляет единственную партию, реабилитирующую гуманистически-эгалитаристскую традицию СССР – через концепцию Мира Полудня братьев Стругацких. Отсылки к прошлому у Нечаева обращены к достижениям отечественной космонавтики, возрождению «русского космоса», что выделяет «Новых людей» как партию технооптимистов.

Ранее в текстах Нечаева были единичные упоминания Ленина и Горбачёва как примеров неэффективных управленческих практик, а также упоминание «вольных людей» (первооткрывателей, предпринимателей) как мотора исторического развития России.

Базовый сюжет: поиск сокровищ.

Заключение

Разрозненность и противоречивость восприятия отечественной истории сохраняется и даже усиливается на фоне очевидного государственного интереса к истории страны и её популяризации. Подобная эклектичность характерна как для взгляда политических элит, так и для массового восприятия.

«Золотой век» как период прошлого не определён большинством политических игроков. Лишь часть элит готова использовать советский опыт управления для разговора о будущем. При этом практически невозможно договориться, что именно в этом опыте следует считать значимым для нашего времени.

Цивилизационный взгляд на историю у наших сегодняшних современников преобладает и в политике, и в академическом сообществе.

Его массовую, народную версию можно назвать поверхностным, неглубоким взглядом на проблематику рождения и развития цивилизаций.

В центре цивилизационно-государственного подхода к истории - перечисления череды самовластных правителей: как династических самодержцев, так и партийных секретарей.

Тем самым без должного внимания остаются важные темы российского исторического опыта, не имеющие позитивно окрашенной характеристики, например, крепостное право.

Почти не остаётся места для осмысления якобы второстепенных историй, будь то военные походы Москвы против Тверского и Новгородского княжеств или многовековое движение цивилизационного фронта в южные степи и Сибирь.

Успешно забыта необычайно плодотворная концепция Василия Ключевского о России как стране, которая постоянно колонизируется, что является основой её истории.

В описании прошлых конфликтов и проектов развития России полностью вымывается тема союзников.

Фигурами умолчания за блестящим фасадом империи Романовых становятся социальные и религиозные последствия многовекового существования церковного раскола²⁰ между Синодальной церковью и старообрядцами.

Главная сила цивилизационного подхода – гармонизирующий, скрывающий противоречия исторического процесса потенциал.

Главная его Ахиллесова пята – невозможность внятно объяснить точки разрывов, например, Петровские реформы, Великую Русскую Революцию.

Поэтому и Ленин, и Пётр I стабильно входят в списки наиболее позитивно оцениваемых правителей, несмотря на успехи цивилизационной парадигмы.

Сложные фигуры, которые трудно вписать в цивилизационный нарратив, часто игнорируются либо описываются схематически.

²⁰ См. Пыжиков, А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от XVII века до 17 года / Александр Пыжиков. — М. : Древлехранилище, 2018.

Например, фигура вождя мирового пролетариата с трудом втискивается в цивилизационную концепцию «Тысячелетней России». Сложно рассматривать в качестве продолжателя Ленина физически уничтожившего его ближайшее окружение Иосифа Сталина.

В топ кумиров политического истеблишмента России стабильно входят Пётр I, Александры II и III, Екатерина II, Иосиф Сталин.

К числу явно недооценённых правителей можно отнести одержавшего одну из самых славных побед в российской истории государя-реформатора Александра I.

Это, несомненно, является инерцией сначала версии великого писателя Льва Толстого, продолженной и в советской версии истории Отечественной войны, где на первый план была выведена несомненно достойная фигура Михаила Кутузова.

Также в современном пантеоне есть «пропавший император» – Николай I, при котором был достигнут пик геополитического влияния империи, но на репутацию которого оказал трагическое влияние проигрыш в Крымской войне.

Крым (точнее, его передача Украинской ССР) нанёс серьёзный удар и по репутации другого руководителя страны – Никиты Хрущёва, роль которого в отказе от практики массовых репрессий, формировании более гуманной экономической политики, развитии космической программы и в укреплении социалистического блока на мировой арене многими пренебрегается.

Дряхлость генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева в последние годы жизни, неудачное вмешательство в политику Афганистана смазали эффект его достаточно успешных экономических и социальных реформ, сильной международной дипломатии.

В то же время можно выделить и такие явно переоценённые российскими элитами фигуры, как, например, Юрий Андропов, который за короткий срок своего правления не смог предложить внятный план реформ и сделал свой вклад в историю в основном карьерным продвижением «могильщика КПСС» Михаила Горбачёва.

Высокий авторитет Николая II в элитах можно объяснить влиянием иерархов Русской Православной церкви.

Стоит отметить, что исторические воззрения Владимира Путина стоят особняком от элитного мейнстрима.

Глава государства заметно более критичен по отношению к Ленину и Сталину и подчёркнуто корректен по отношению к Борису Ельцину (что, вероятно, объясняется в первую очередь этическими соображениями).

А его предпочтение в качестве идеального правителя фигуры Александра III является выбивающимся из общего ряда.

«Единая Россия» вслед за лидерами государства движется в цивилизационно-государственнической парадигме.

Крайне противоречивый нарратив предлагает избирателям КПРФ, лидеры которой так и не дают ответа на вопрос, как выбирать между фигурами Ленина и Сталина.

КПРФ, несмотря на свой статус наследника КПСС, также фактически отказывается от ответственности за поздний СССР (как минимум с 1956 года): Хрущёв считается отрицательной фигурой, Брежнев фактически игнорируется, а Горбачёв называется предателем, хотя он сделал блестящую карьеру в идеологической партии, обладавшей монополией на власть, и был, наверное, самым прилежным учеником Ленина из всех советских лидеров.

На этом фоне эсеры Сергея Миронова выглядят более искренними сторонниками позднего СССР, чем официальные коммунисты.

В ЛДПР с приходом Леонида Слуцкого произошло серьёзное изменение и идеологии в целом, и исторического нарратива по сравнению с яркими образами правителей-маяков империи Романовых, вроде Павла I, стремившегося к азартной геополитической игре, при Владимире Жириновском.

Слуцкому как партийному лидеру данные темы не интересны. Поэтому он обращает своё внимание в сторону брежневского социального государства, сочетая сюжеты обороны крепости и возвращения домой. Тем не менее, новый уклон ЛДПР в социальную политику потенциально включает её в борьбу в одном сегменте с КПРФ и СР.

Единственной парламентской политической партией, которая выстраивает образ будущего без оглядки на прошлое, является партия «Новые люди». Партия Алексея Нечаева использует технооптимизм как основу для сюжета поиска сокровищ.

В целом, у ряда российских политических партий (в особенности у КПРФ и ЛДПР) можно наблюдать заметное несовпадение официальной доктрины с реальным содержанием политических позиций. Сохраняющееся влияние советских традиций, в т.ч. и в массовом сознании посредством монументальной культуры, усиливает левый крен в идеологиях партий, что видно на примере трансформации ЛДПР.

Ключевым сюжетом для политиков, так или иначе опирающихся на исторические образцы, остаются «возвращение домой» или «оборона крепости», что во многом объясняет и содержание партийных программ и охранительный вектор политических решений.

Приложения

Приложение 1. Идеальные образы исторических правителей глазами жителей России²¹

<u>ВЦИОМ</u> (2022)	<u>Russian Field</u> (2023)	<u>Левада-центр</u> [*иноагент] (2025)	<u>“Знание”</u> (2025)
Петр I (20%)	Петр I (82%)	Николай II (52%)	Петр I (19%)
Сталин (17%)	Петр I (82%)	Ленин (28%)	Сталин (15%)
Ленин (8%)	Сталин (65%)	Петр I (19%)	Екатерина II
Екатерина II (6%)	Брежнев (61%)	Екатерина II (9%)	Иван III
Брежнев (4%)	Николай II (52%)	Брежнев (8%)	Ленин

²¹ В таблице не учитывались неполитические герои и ныне живущие лидеры, которые были упомянуты в опросах. Методологии исследований были различны, поэтому эти данные следует сравнивать с большой осторожностью.

Приложение 2. Исторические фильмы и сериалы (2025-2026 годы)

Вышедшие фильмы и сериалы по историческим периодам	
Период	Число картин
Великая Отечественная война	33
1990-е гг.	5
Дореволюционный период	5
Послевоенный период	5
2000-е гг.	4
Перестройка	4
Холодная война	3
Межвоенный период	2
Гражданская война	1
Наполеоновские войны	1
Октябрьская революция	1
Отечественная война 1812 г.	1
Петровские реформы	1
Феодальная раздробленность на Руси	1
XII век	1
XIX век	1

За 2025-2026 годы в прокат вышло 70 отечественных фильмов и сериалов, которые либо были посвящены историческому событию или эпохе, либо их действие происходило в определённый период в прошлом. В выборку были включены произведения, официально вышедшие в прокат либо показанные по телевидению. Отбор осуществлялся с помощью базы данных онлайн-кинотеатра «Кинопоиск».

Неудивительно, что в 80-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне почти половина вышедших картин (47,1%) посвящена этому периоду, существенно опережая другие категории.

Среди других популярных периодов можно выделить 1990-е годы, дореволюционный период (конец XIX – начало XX вв.) и послевоенные годы (1950-1960-е годы) – по 5 картин, 2000-е и годы Перестройки – по 4.

Более ранние периоды вызывают гораздо меньше интереса у российских режиссёров и сценаристов, возможно, по банальной причине большей дороговизны.

Упор на картины более позднего периода отражает растущий спрос на ностальгию по 1990-м и естественные поколенческие сдвиги, которые привели к появлению прослойки зрителей, ностальгирующих уже по 2000-м годам²².

«Ностальгирующий» характер данного контента подтверждается и снижением в кино остроты наиболее резких и негативных моментов, например Перестройки и 1990-х годов (которые практически универсально в публичном дискурсе возникают с негативным упоминанием).

²² Вперёд в прошлое. Почему в массовой культуре растёт тренд на ностальгию. // Коммерсант. 17.11.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8210090>

Приложение 3. Памятники, муралы и мемориальные доски.

Памятники и монументы по историческому периоду	
Период	Число объектов
Великая Отечественная война	12
Советский период	8
Дореволюционный период	6
Средневековье	5
XVIII век	3
XVI-XVII вв.	3
Сталинский период	3
Революции 1917 г	2
Предвоенный период	2
Отечественная война 1812 г.	1
1990-е	1

Большинство памятников и мемориальных досок, установленных в 2025-2026 годах, были посвящены политическим деятелям. Отбор материалов происходил с помощью анализа новостных публикаций ведущих российских новостных агентств (ТАСС, РИА Новости, Интерфакс, РБК, «Коммерсант», «Ведомости», «Российская газета», URA.RU и др.), в отдельных случаях использовались региональные и местные СМИ.

Двумя основными точками позитивной идеализации являются XVIII в. как период первого пика имперского развития, выраженного в деятельности имперских чиновников, и конец XIX – начало XX вв. как идеально-типическое отражение «развитой» Российской империи.

Ограниченно позитивное представление характерно для средневековых деятелей, ассоциирующихся с централизацией и собиранием русских земель, а также для окружения Петра I, заложившего основы петровских реформ.

Советский период, не считая Великой Отечественной войны, представлен обычно деятелями науки и искусства, а также клириками РПЦ (в особенности новомучениками), а не политиками, не считая нескольких исключений, самыми значимыми из которых

являются классические герои «пантеона силовиков и государственников» – Сталин, Андропов, Дзержинский.

В целом для мемориальной активности характерен высокий уровень регионализации, превалирование региональной повестки и решений региональных администраций. Самой заметной здесь является деятельность администрации губернатора Вологодской области Георгия Филимонова, в результате которой были установлены памятники Сталину и Ивану Грозному. Однако и в других регионах развивается мемориальная деятельность с упором на региональные истории, например, памятники местным князьям Довмонту в Псковской области и Юрию Долгорукому во Владимирской.

Интересным аспектом является расширение практики увековечивания позднесоветских и современных российских региональных лидеров, например, установка памятника первому губернатору Архангельской области Павлу Балакшину в 2025 году, разнообразные мемориальные доски первым секретарям обкомов КПСС.

Здесь можно особенно отметить закрепление памяти Владимира Долгих, бывшего сенатора от Москвы (2013-2018), секретаря ЦК КПСС по тяжёлой промышленности (1972-1988) и первого секретаря Красноярского крайкома КПСС (1969-1972), чьё увековечивание связано как с предыдущими местами работы (мемориальная табличка в Москве, мемориальные таблички и бюст в Красноярском крае, лицей им. В.И.Долгих в Норильске), так и вкладом в технологическое развитие страны (Областной технолицей им. В.И.Долгих в Истре).

Приложение 4. Российские высокобюджетные игры

За последние четыре года вышли либо были анонсированы три высокобюджетных интерактивных проекта: «Atomic Heart» (2023), «Смута»/«Земский Собор» (2024-2025), «Война миров: Сибирь» (2027).

«Смута»/«Земский собор» (поддержана ИРИ): направлена на внутреннюю аудиторию, колоссальный госбюджет - 500 млн руб. от ИРИ + неофициально ещё 500 млн руб.

Эпоха: Смутное время и его преодоление, прежде всего 1612-1613 годы. История читается как путь от хаоса, интервенции и распада к восстановлению легитимной власти и собиранию страны.

Нарратив: Россия рождается заново не в эпоху стабильности, а в момент катастрофы. Личная история героя подчинена большой сюжетной линии о преодолении хаоса, изгнании чужого влияния и восстановлении легитимной власти.

«Atomic Heart»: направлена на внешнюю аудиторию.

Эпоха: альтернативный СССР 1955 года, то есть ранняя послевоенная советская модерность, доведённая до ретрофутуристической утопии. Советское прошлое превращается в образ несбывшегося технологического будущего; однако сама утопия показывает свою тёмную сторону – контроль и дегуманизация, с которыми должен справиться герой и его союзники.

Нарратив о соблазнительном величии советской модерности, которое из утопии науки и прогресса постепенно раскрывается как система контроля, насилия и технологической угрозы; повествование держится на превращении мечты о великом будущем в антиутопию.

«Война миров: Сибирь»: направлена на внешнюю аудиторию.

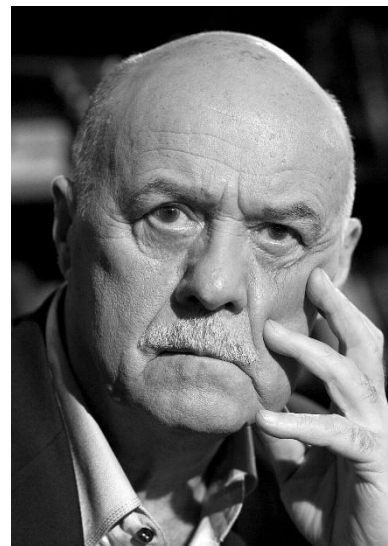
Эпоха: альтернативная Российская империя 1896 года. Поздняя империя показана как мир нереализованного потенциала; центр рушится, а надежда на выживание и новую сборку страны переносится в Сибирь.

Нарратив о прерванном русском будущем: модернизирующаяся империя оказывается сломлена внешней катастрофой, и потому прошлое осмысляется не как завершённое величие, а как утраченная возможность, которую можно спасти только через выживание, бегство и пересборку страны.

Приложение 5. Даты, юбилеи, годовщины как приоритеты государственной политики.

В течение 2025-2026 годов президент РФ Владимир Путин подписал 17 указов о праздновании юбилеев и памятных дат.

Сразу три юбилея (Владимира Жириновского, Юрия Лужкова и Станислава Говорухина) обращены к знаковым политикам рубежа тысячелетий.

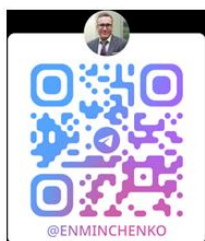

Три памятные даты – 300-летие Екатерины II, 250-летие Александра Суворова и 250-летие образования Тамбовского наместничества – относятся к периоду приращения территорий России при Екатерине II.

Подобный географический фактор повлиял на празднование образования регионов на рубежах России (Калининградская область, Ненецкий АО) и основания городов (Якутск, Сыктывкар, Керчь, Пятигорск).

Два юбилея посвящены писателям XIX века и одновременно государственным чиновникам Михаилу Салтыкову-Щедрину и Фёдору Тютчеву, два – крупным инфраструктурным проектам с государственным участием (Северный морской путь и ПАО «Авиастар»), что подчёркивает высокую роль государственного аппарата в духовной и экономической жизни страны.

Евгений Минченко.
Персонально по делу

Политбюро 2.0

Минченко.
Исторические выписки

ГосСовет 2.0

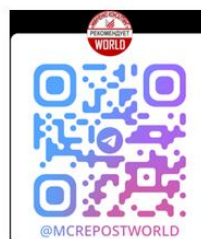
Минченко.Регионы

«Минченко консалтинг» RU5

Минченко. World

Семинары "Минченко консалтинг"

Госплан 2.0

МИПЭ

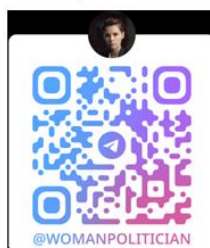
Пацаны Трампа

«Минченко Консалтинг»
Энергетика

Женщины, политика,
успех

Премия Воротникова

Политкино

Всего **15** каналов, общая численность подписчиков почти **120 тысяч**.

Аудитория: люди, работающие в Кремле, на Старой площади и в Белом доме, вице-премьеры, министры, губернаторы, сенаторы, депутаты, силовики, представители корпоративного сектора, эксперты, общественники.

WWW.MINCHENKO.RU

Исследования |
аналитика | PR | GR |
новый образ |

Коммуникационный холдинг

«МИНЧЕНКО КОНСАЛТИНГ»

123242, Москва, ул. Зоологическая, д. 22

Телефон: +7 (495) 899-00-69

office@minchenko.ru